

Жюль ВЕРН

МИХАИЛ СТРОГОВ

Жюль Верн
Михаил Строгов (сборник)

«ВЕЧЕ»
1876, 1880

Верн Ж. Г.

Михаил Строгов (сборник) / Ж. Г. Верн — «ВЕЧЕ», 1876, 1880

Бухарский эмир Феофар-хан хочет идти вместе с солнцем. Он готов завоевать все земли от Тобольска до Уральских гор. Направляет его действия некий опальный русский офицер, питающий личную вражду к брату царя, великому князю. Сибирь представляет удобную почву для восстания, поскольку политические ссыльные, а также преступники легко могут принять сторону нападающих. К эмиру примыкают кочевники Туркестана, пути сообщения между Западной и Восточной Сибирью оказываются преграждены, связь прервана. Курьеру царя, Михаилу Строгову, поручена опасная миссия – добраться из Москвы до Иркутска и предупредить великого князя о смертельной опасности. В основу романа положена история хана Кенесары, в первой половине XIX века возглавившего национально-освободительное движение казахских родов за сохранение независимости и восстановление ханского правления.

© Верн Ж. Г., 1876, 1880

© ВЕЧЕ, 1876, 1880

Содержание

Об авторе	6
Михаил Строгов	8
Часть первая	8
Глава I. Бал в большом кремлевском дворце	8
Глава II. Русские и бухарцы	10
Глава III. Михаил Строгов	11
Глава IV. Из Москвы в Нижний Новгород	13
Глава V. Неожиданный приказ	15
Глава VI. Брат и сестра	16
Глава VII. Вниз по волге	17
Глава VIII. Вверх по Каме	19
Глава IX. В тарантасе днем и ночью	21
Глава X. Гроза в уральских горах	22
Глава XI. Путники в беде	23
Глава XII. Вызов	26
Глава XIII. Долг превыше всего	28
Глава XIV. Мать и сын	29
Глава XV. Барабинские болота	32
Глава XVI. Последнее усилие	32
Глава XVII. Цитаты и куплеты	35
Часть вторая	38
Глава I. Лагерь Феофар-Хана	38
Глава II. Положение Альсида Жоливе	42
Глава III. Долг платежом красен	48
Глава IV. Триумфальный въезд	53
Глава V. Гляди во все твои глаза, гляди!	56
Глава VI. Друг на большой дороге	59
Глава VII. Переправа через Енисей	64
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Жюль Верн

Михаил Строгов (сборник)

© ООО «Издательство «Вече», 2014

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2016

* * *

Об авторе

Великого французского писателя Жюль Верна (1828–1905) рядовой читатель знает как автора познавательного-приключенческих романов и произведений, написанных в жанре научной фантастики. Между тем этот «гений приключений» не раз тесно соприкасался и с историческим жанром.

Жюль Габриэль Верн родился в семье провинциального юриста Пьера Верна и дочери нантского судостроителя Софи Алот де ла Фюи. Один из его предков со стороны матери, шотландский дворянин, перешел в XV веке на службу к французскому королю и дослужился при дворе до почетной должности. Будущего писателя всегда волновали семейные предания, связанные с выходцем из Шотландии; так что, можно сказать, историей Верн увлекался с раннего детства. Огромное влияние на его творчество оказали Шекспир, Вальтер Скотт и Виктор Гюго. В ранней юности, вдохновившись «Собором Парижской Богоматери», Верн пробует сам написать «черный» роман с элементами мистики – «Священник в 1839 году». Попытка была неудачной, но молодой Жюль упорно работает над следующими своими сочинениями, предназначенными для театра, но так никогда и не появившимися на сцене: «Александр VI», «Пороховой заговор», «Драма времен Людовика XV» (все 1847–1848). Особенно долго Жюль Верн работал над лирической комедией «Мона Лиза» (1851–1855), известной также под более ранними названиями («Леонардо да Винчи», «Джоконда»). В дальнейшем столь глубоко в историю Верн не заглядывал, если, конечно, не считать популярного историко-географического труда «Открытие Земли». Тем не менее знаменательно, что его литературным дебютом как прозаика в июле 1851 года стал исторический рассказ «Первые корабли мексиканского военно-морского флота» («Драма в Мексике»). Следующее обращение Верна к истории произошло в повести «Граф де Шантелен» (1864), действие которой происходит в дни контрреволюционного восстания в Бретани. Это единственное более-менее крупное произведение зрелого Верна, посвященное истории Франции. По договору с издателем в романах из серии «Необыкновенные приключения» Жюль Верн не имел права развивать сюжет на французской земле.

Однако к истории других стран писатель обращался охотно: «Архипелаг в огне» (национально-освободительная война в Греции в 1821–1829 годах), «Север против Юга» (Гражданская война в США в 1861–1865 годах), «Возвращение на родину» (в 1792 году офицер республиканской армии пробирается из прусского плена во Францию), «Безымянное семейство» (канадская революция 1837 года). Исторические экскурсы вводятся писателем во многие романы. Достаточно вспомнить «Паровой дом», «Двадцать тысяч лье под водой», «Матиас Шандор», «Пятнадцатилетний капитан» (но только в полном переводе!), «Южная Звезда» и др. Историческая тематика появляется и в рассказах, не вошедших в романическую серию: «Прорвавшие блокаду» (1865; Гражданская война в США), «Осада Рима» (1853; революция 1848–1849 годов в Италии).

Своеобразное место в творчестве Жюль Верна занимает роман «Михаил Строгов» (первоначальное название «Курьер царя»). Можно бы назвать это очень популярное за рубежом нашей родины произведение исторической фантазией, если бы, к сожалению, в нем не содержалось грозное пророчество, в какой-то степени оправдавшееся в конце XX века и всё ещё не потерявшее своей актуальности. Жюль Верн испытывал немалый интерес к Российской империи, к народам, ее населяющим, к ее природе, истории, искусству. Он радовался, когда его книги выходили в России. У писателя было немало друзей среди деятелей российской культуры, живших в Париже. Право перевода своих романов на русский язык он предоставил выдающейся украинской писательнице Марко Вовчок. При написании «Строгова» ему давали советы Иван Тургенев, Пётр Кропоткин, та же М. Вовчок, однако реалии российской жизни в этом романе, как и в других сочинениях о России, часто ошибочны, что, безусловно, заметит

внимательный читатель. Но захватывающий, динамично развивающийся сюжет, непрерывное противостояние добра и зла, яркость художественных образов с лихвой возмещают отдельные неточности автора.

Анатолий Москвин

Михаил Строгов

Часть первая

Глава I. Бал в большом кремлевском дворце

- Получена новая телеграмма, ваше императорское величество.
- Откуда?
- Из Томска.
- Действует ли телеграф дальше Томска?
- Никак нет, вчера нарушена связь.
- Немедленно доложите мне, как только будет получена новая депеша.
- Слушаюсь, ваше императорское величество, – отвечал генерал Кисов.

Этот разговор происходил в два часа ночи, в самом разгаре бала в Большом Кремлевском дворце. Роскошные залы были переполнены танцующими; в воздухе носились звуки вальса, мазурки и польки, без перерыва исполняемых двумя военными оркестрами, и эхо веселых мотивов доносилось до стен старого Кремля, переживших на своем веку столько кровавых событий. Особы императорской фамилии принимали деятельное участие в танцах, подавая пример приглашенным. Раздались торжественные звуки полонеза, и танцующие выстроились парами. Сотни люстр, отражавшихся в зеркалах, заливали ослепительным светом роскошные туалеты дам и усеянные орденами мундиры военных и гражданских сановников. Громадный зал дворца с потускневшей от времени позолотой плафона, с богатыми штофными драпировками представлял достойную раму для этой блестящей картины. Издали дворец казался освещенный заревом – так велик был контраст между этим залитым огнями зданием и окружавшим его городом, погруженным в глубокий мрак. В темноте лишь смутно белели колокольни церквей да изредка сверкали фонари на судах, стоявших вдоль Москвы-реки. Августейший хозяин был в мундире егерского полка и своей скромной одеждой резко отличался от окружавших его сановников и свиты – личного конвоя в живописных кавказских костюмах. Он переходил от одной группы к другой, но мало кого удостаивал беседой и рассеянно прислушивался как к веселой болтовне танцующих, так и к серьезным разговорам, которые велись между сановниками и иностранными дипломатами. Самые наблюдательные из них подметили некоторую озабоченность на лице державного хозяина, но никто не осмеливался об этом говорить, сам же он прилагал все усилия, чтобы не омрачить своим беспокойством веселый праздник. Когда государь прочел поданную ему генералом Кисовым телеграмму, лицо его стало еще мрачнее.

– Итак, – проговорил он, – со вчерашнего дня нет никакого сообщения с великим князем, моим братом?

– Никакого, ваше императорское величество, и я даже опасюсь, что скоро телеграммы будут доходить только до азиатской границы.

– Послано ли предписание войскам Иркутского, Якутского и Забайкальского округов двинуться к Иркутску?

– Этот приказ был отдан им в последней телеграмме, которую удалось переправить за Байкал.

– Есть ли еще сообщение с Енисейской, Омской, Тобольской губерниями и Семипалатинской областью?

– Точно так, ваше императорское величество, и в настоящее время известно, что бухарцы еще не перешли за Иртыш и за Обь.

– Есть ли известия об изменнике Огареве?

– Никаких, – отвечал генерал Кисов. – Неизвестно, перешел ли он границу или нет.

– Немедленно пошлите в Нижний Новгород, Пермь, Екатеринбург, Касимов, Тюмень, Ишим, Омск, Елань, Колывань, Томск и во все телеграфные пункты, сообщение с которыми еще не прервано, секретное предписание искать его.

– Приказание вашего императорского величества будет исполнено, – отвечал Кисов.

Поклонившись государю, он смешался с толпой и вскоре исчез из дворца, никем не замеченный.

События, о которых велся приведенный выше разговор, не для всех были тайной. Многие лица, занимавшие высокие административные должности, имели смутное понятие о происходившем, но всякий держал свои мысли при себе. Только двое из присутствовавших вели шепотом оживленный разговор о событиях дня. Из этих двух лиц один был англичанин, другой – француз. Оба они были худощавы и высокого роста, но этим и ограничивалось их сходство, во всем же остальном эти два человека представляли самый разительный контраст. Первый был, подобно большинству своих соотечественников, невозмутимо-флегматичен, скуп на слова и на жесты, тогда как второй был олицетворенная живость: не только лицо его, но и все движения принимали участие в разговоре; а глаза его пронизывали насквозь и замечали все, что вокруг происходит. Зато собеседник его мог похвастаться удивительно развитым слухом: он тотчас запоминал раз услышанный голос и безошибочно мог узнать его даже спустя несколько лет. Острое зрение и тонкий слух были весьма ценны для обоих, так как англичанин состоял корреспондентом «Ежедневного Телеграфа»; что же касается его коллеги, то он никому не сообщал, в какой газете или в каких газетах сотрудничает, а говорил в шутку, что переписывается со своей кухней. Имя французского корреспондента было Альсид Жоливе, имя англичанина Гарри Блаунт. В качестве представителей печати оба они получили доступ во дворец и тут встретились впервые. Соревнование побудило их вступить в беседу, в которой каждый мог незаметно выпытать все, что известно другому.

– Не правда ли, какой роскошный бал? – заметил Жоливе. – Великолепный!

– Я уже телеграфировал об этом, – невозмутимо отвечал Гарри Блаунт.

– Впрочем, – продолжал его собеседник, – я сообщил моей кухне...

– Какой кухне? – спросил изумленный англичанин.

– Ах да, я вам еще не говорил, что состою в переписке с моей кухней Мадленой. Она любит своевременные и точные известия, а потому я счел долгом сообщить ей, что государь показался мне чем-то озабоченным.

– Я этого не нахожу, – уклончиво заметил англичанин.

– А помните ли вы, господин Блаунт, что в 1812 году, когда императору Александру I в самом разгаре бала донесли, что Наполеон перешел со своим авангардом Неман, он остался на балу и выказал столько же хладнокровия...

– Сколько наш августейший хозяин, – перебил английский корреспондент, – когда генерал Кисов доложил ему, что изменники испортили телеграфный провод между азиатской границей и Иркутском.

– А вам это уже известно?

– Без сомнения.

– Впрочем, и у меня были на этот счет довольно точные сведения, – самодовольно заметил Альсид Жоливе, – и моя последняя телеграмма была из Нижнеудинска.

– А моя из Красноярска, – с не меньшим самодовольством возразил Блаунт.

– А знаете ли вы, какой приказ послан войскам в Николаевск?

– Знаю, равно и как и то, что тобольские казаки получили предписание выступить в город.

– Совершенно верно, господин Блаунт, и я завтра же поделюсь этими новостями с моей кухней.

– А я с подписчиками «Ежедневного Телеграфа», господин Жоливе.

– Как видно, нам предстоят интересные наблюдения, и мы, верно, еще не раз встретимся, – сказал француз.

Тут оба корреспондента расстались, в душе очень довольные тем, что, по-видимому, оказались противниками равной силы. В эту минуту двери в соседний зал растворились настежь, и взорам гостей представились накрытые к ужину столы, украшенные цветами и уставленные драгоценной серебряной посудой, севрским фарфором и хрусталем, ослепительно сверкавшим при ярком освещении люстр. В то время как приглашенные размещались за столами, генерал Кисов вернулся во дворец.

– Какие известия? – с живостью спросил император, отведя его в сторону.

– Все те же, ваше императорское величество, телеграммы доходят только до Томска.

– Сейчас же пришлите ко мне курьера!

Глава II. Русские и бухарцы

События, происходившие в Азиатской России, были такого свойства, что внушали серьезную тревогу, и потому не мудрено, что царь покинул своих гостей в самый разгар празднества. Последние полученные известия подтверждали его опасения: между подвластными России кочевниками Туркестанского края вспыхнуло восстание, грозившее охватить всю Сибирь – эту огромную область в пятьсот шестьдесят тысяч квадратных верст с двухмиллионным населением. В то время, о котором ведется наш рассказ, управление Сибирским краем было возложено на двух генерал-губернаторов; из них один жил в Иркутске, другой в Тобольске, главных пунктах Восточной и Западной Сибири. Железной дороги еще не существовало, и средством сообщения служили в летнее время тарантасы или телеги, а в зимнее время – сани. Единственным признаком проникавшей и в этот далекий край цивилизации был телеграф, соединявший пункты Восточной Сибири с Европейской Россией на протяжении восьми тысяч верст, но и этот способ передачи известий стоил очень дорого и производился гораздо медленнее, чем теперь. При самом начале восстания, зачинщики его позаботились оборвать телеграфную проволоку под Томском, а несколько часов спустя и далее, по направлению к Колывани. Таким образом, единственное, что мог сделать царь для передачи своих повелений на восточную окраину Сибири, было послать туда курьера. Отдав генералу Кисову это приказание, он, стоя у окна, погрузился в свою невеселую думу, которая была прервана камер-лакеем, доложившим ему о приходе московского обер-полицмейстера.

– Расскажите мне, – обратился к последнему император, – все, что вам известно об Иване Огареве.

Полицмейстер поклонился в знак повиновения и начал свой рассказ.

– Это весьма опасный человек, ваше императорское величество; он всегда выдавался из среды прочих офицеров своим умом, но в то же время своим неукротимым характером и беспредельным честолюбием. Он дослужился до чина полковника, но два года тому назад, когда открылось его участие в тайном политическом обществе, он был, по приказанию его императорского высочества, великого князя, предан военному суду, разжалован и сослан в Сибирь. Через полгода он был прощен по всемилостивейшему манифесту и получил разрешение вернуться в Европейскую Россию. Впоследствии Огарев вторично отправился в Сибирь, на этот раз добровольно. По возвращении оттуда он некоторое время жил в Перми, не имея определенных занятий. Там он сначала находился под надзором полиции, но так как в его поведении не было ничего подозрительного, то за ним перестали следить. В марте текущего года он выехал из Перми, но куда – неизвестно.

– Мне это известно, – прервал император. – Я получил несколько анонимных писем, которым начинаю верить ввиду событий, происходящих теперь в Сибири.

– Ваше величество считаете Огарева причастным к бухарскому нашествию?

– Да, – отвечал государь, – и вот что я узнал: выехав из Перми, Огарев отправился в Сибирь, в киргизские степи, где с успехом пытался возбудить восстание между кочевниками. Оттуда он направился к югу, в Туркестан. В Бухаре и Коканде также нашлись предводители, примкнувшие к нему с целью вести туземные полчища в северную Сибирь, чтобы освободить ее от русского владычества. Сначала эта интрига велась тайно, но теперь восстание открыто вспыхнуло, и все пути сообщения между Западной и Восточной Сибирью преграждены. В последней телеграмме, посланной в Нижнеудинск, я отдал приказ собрать войска, находящиеся в Енисейском, Иркутском, Якутском, Приамурском и Забайкальском краях, а также двинуть на восток полки, стоящие в Перми и Нижнем Новгороде, но они встретятся лицом к лицу с бухарцами не раньше, как через несколько недель; тем временем брат мой не имеет никакого сообщения с Москвой. Он рассчитывает на помощь со стороны ближайших к Иркутску городов, но не подозревает, что Огарев, которого он не знает в лицо, составил заговор на его жизнь. Этот изменник питает беспощадную ненависть к великому князю как виновнику его разжалования и рассчитывает, прибыв в Иркутск под чужим именем, овладеть доверием моего брата и выдать город бухарцам. Великого князя надо немедленно известить об этом, послав к нему курьера, что я и приказал сделать.

– Посланный не должен терять ни минуты, – прибавил обер-полицмейстер. – Осмелюсь доложить вашему величеству, что Сибирь представляет удобную почву для восстания – как политические ссыльные, так и прочие преступники легко могут принять сторону нападающих.

Полицмейстер был прав, так как большая часть кочевого киргизского населения уже примкнула к восставшим.

Какого пункта достигли нападавшие в то время, когда это ужасное известие пришло в Москву, – никто не мог сказать: телеграфное сообщение, которое одно могло вовремя предупредить великого князя об измене Огарева, было прервано, и заменить его мог только курьер. От посланного требовалось много ума и мужества для того, чтобы беспрепятственно проехать страну, занятую мятежниками, но император не терял надежды отыскать такого человека.

Глава III. Михаил Строгов

Спустя несколько минут после того, как удалился обер-полицмейстер, государю доложили о приходе генерала Кисова.

– Здесь ли курьер? – обратился к нему император.

– Да, ваше императорское величество, и это именно такой человек, какой нам нужен. Он уже давно служит в фельдъегерском корпусе и несколько раз с успехом выполнял трудные поручения. Он родом из Омска и знает Сибирь вдоль и поперек.

– Сколько ему лет? – спросил император.

– Тридцать лет, ваше императорское величество; у него железное здоровье и поистине золотое сердце, а вместе с тем он мужествен и хладнокровен, что необходимо для исполнения его трудной задачи. Словом, я могу за него поручиться головою.

– Как его зовут?

– Михаил Строгов.

– Пусть он войдет, – сказал царь.

Вошедший фельдъегерь был высокого роста, пропорционально и крепко сложен. Его мощная фигура казалась воплощением физической силы. Черты его лица были правильны и приятны; густые темные волосы слегка вились, а добрый и открытый взгляд красивых синих глаз невольно привлекал внимание к нему всякого. Грудь его была украшена Георгиевским крестом и несколькими медалями. В каждом слове и движении Строгова был виден энергичный человек, умеющий пользоваться обстоятельствами и неуклонно идущий к своей цели.

Строгов как сибирский уроженец хорошо знал не только местность, которую ему предстояло проехать, но также и наречия многочисленных народностей, населявших ее. Детство и раннюю молодость он провел в своем родном городе Омске, где старуха мать его осталась доживать свои дни, овдовев лет за десять до начала нашего рассказа. Петр Строгов был страстным охотником и, воспитывая сына, старался закалить его. Еще мальчиком Михаил нередко сопровождал отца на охоту за дичью или помогал ему расставлять капканы для лисиц и волков, а лет одиннадцати уже выходил с рогатиной на медведя. Старик Строгов был на редкость счастливым охотником: он убил на своем веку более сорока медведей, а известно, что это число, по охотничьему поверью, считается роковым. Когда Михаилу было четырнадцать лет, он не только один убил медведя, но, содрав с него шкуру, пронес ее за несколько верст до дома, что ясно указывает на необычную для его возраста силу. Полученное им суровое воспитание приучило юношу стойко переносить голод, жажду и всякие лишения, а также развило в нем наблюдательность к окружающим явлениям природы. Строгов страстно любил свою мать, и когда был принят на службу в фельдъегерский корпус, то при прощании обещал старухе навещать ее, как только будет представляться возможность. Служба его шла очень успешно, особенно удачна была данная ему командировка на Кавказ, где в то время было еще много последователей Шамиля, пытавшихся снова возбудить горцев к восстанию. Ловкость и мужество, выказанные Строговым в это путешествие, были по достоинству оценены, и с тех пор его карьера была упрочена. Верный своему обещанию, он каждый отпуск ездил повидаться с матерью, пока не получил снова командировки на юг, где пробыл три года и откуда только что вернулся перед началом этого рассказа. Он рассчитывал на получение отпуска и уже начал собираться в дорогу, когда получил предписание явиться к императору. Исполняя это приказание, он и не подозревал, какое трудное поручение на него возложат. Наружность и спокойное достоинство, с каким держался Строгов, по-видимому, понравились государю.

– Как твое имя? – спросил он.

– Михаил Строгов, ваше императорское величество.

Предложив Строгову эти вопросы, государь присел к столу, написал несколько строк и, запечатав конверт своею печатью, вручил его курьеру.

– Вот письмо, – сказал он, – которое ты передашь великому князю в собственные руки. Тебе придется проехать страну, занятую мятежниками, которые будут стараться перехватить письмо. В особенности остерегайся изменника Огарева, с которым, может быть, встретишься дорогой. Тебе придется проезжать через Омск?

– Так точно, ваше императорское величество.

– Ты не должен видаться с матерью, иначе можешь быть узнан.

– Слушаюсь, ваше императорское величество, – отвечал Михаил Строгов после минутного колебания.

– От передачи этого письма, – продолжал император, – зависит спасение всей Азиатской России и, может быть, жизнь моего брата. Ручаешься ли ты за успех?

– Я доберусь до великого князя, ваше императорское величество, или буду убит, – отвечал Строгов.

– Ты не должен рисковать жизнью, она мне нужна!

– Я доеду живой, – уверенно отвечал молодой человек.

Эта уверенность в своих силах благотворно подействовала на государя.

– Поезжай, Строгов, – сказал он, – и да будет с тобою благословение Божие и молитва русского народа!

Михаил Строгов отдал честь и вышел из кабинета.

Глава IV. Из Москвы в Нижний Новгород

Строгову предстояло проехать до Иркутска пять тысяч двести верст. Когда телеграфа еще не существовало в Сибири, то депеши доставлялись туда курьерами. В качестве царских посланных, они пользовались всякими льготами для скорейшего передвижения, но, несмотря на это, им приходилось употреблять на свое путешествие от четырех до пяти недель, а в исключительных случаях никак не менее трех. Зимой сообщение по Сибири было гораздо удобнее, так как санный путь значительно облегчал его, но и тут мешали метели, сильные туманы и нападения волков, которых голод часто заставляет выходить на дорогу целыми стаями. Михаил Строгов, как истый сибиряк, не боявшийся ни волков, ни морозу, предпочел бы путешествовать зимою, но у него не было выбора. Кроме того, что ему приходилось спешить, он должен был сохранять строгое инкогнито, опасаясь шпионов, которыми кишела охваченная мятежом страна. Поэтому генерал Кисов, вручая ему значительную сумму на путевые издержки, снабдил его также паспортом на имя иркутского купца Николая Корпанова для свободного выезда во все города Европейской и Азиатской России и с правом иметь при себе одного или двух спутников. Путешествуя под видом частного лица, фельдъегерь не мог уже рассчитывать на то, чтобы получать почтовых лошадей скорее, нежели прочие смертные, и потому подвергался тем же случайностям и задержкам, как и всякий другой путешественник. Расстояние от Москвы до азиатской границы не представляло особенной трудности: тут он мог выбирать между железной дорогой, паромом и почтовым трактом. Утром 16 июля Строгов явился на вокзал к утреннему поезду. На нем была одежда небогатого торговца, но под платьем был спрятан револьвер и большой охотничий нож. По его расчету, часов через десять он уже должен был достигнуть Нижнего Новгорода.

В том вагоне, куда сел Строгов, было довольно много народу; он притворился, будто дремлет, а сам продолжал зорко следить за своими спутниками и прислушиваться к их разговорам. Соседи его, по большей части купцы, едущие на Нижегородскую ярмарку, принадлежали к различным национальностям; между ними были евреи, персы, армяне, калмыки и т. д., но почти все говорили по-русски. Разговор их касался нашествия бухарцев, киргизского восстания и тех мер, которые были приняты русской полицией для ограничения ввоза продуктов из Азии.

Эти меры должны были очень невыгодно отразиться на ярмарочной торговле.

– Говорят, что цены на чай поднялись, – заметил один из купцов, костюм которого обличал в нем перса.

– Тем, кто торгует чаем, бояться нечего, – возразил с недовольным видом старый еврей, – а вот что касается бухарских ковров, так с ними дела плохи.

– А вы ждете транспорта из Бухары? – спросил перс.

– Из Самарканда, и в этом вся беда. Разве можно рассчитывать на провоз товара по стране, охваченной восстанием!

– Ну что делать, – сказал третий путешественник, – не получите вы своих ковров, не выручите и барыша за их продажу.

– Вам хорошо говорить, – возразил жид, – сейчас видно, что вы сами не торгуете.

– Зато я покупаю ваши товары, – заметил, смеясь, его собеседник, – правда, в небольшом количестве и только для своего личного употребления.

– Этот субъект мне что-то подозрителен, – шепотом сказал перс своему соседу. – Будем осторожнее, а то как раз наскочишь на шпиона.

В другом отделении вагона тоже говорилось о событиях дня, но уже с другой точки зрения. Путешественники опасались трудности достать почтовых лошадей и с ужасом говорили, что скоро полиция будет препятствовать переезду даже на пароходах и железных дорогах, так

что попасть в восточные города Сибири делается невозможным. Как видно, тема разговора была во всем поезде одна и та же, но все говорившие высказали необычайную сдержанность в своих суждениях, что было тотчас же замечено одним из путешественников. Это был, очевидно, иностранец, совершенно незнакомый с местностью, по которой проезжали. Он беспрестанно открывал окно и высовывался из него, чем крайне раздражал своих спутников, спрашивал названия местечек, через которые проходила дорога, интересовался предметами их торговли и промышленности, числом жителей и т. д., и все полученные сведения заносил в свою записную книжку. Это был уже знакомый нам француз, корреспондент Альсид Жоливе, а цель его расспросов, очевидно, была сообщить что-нибудь интересное своей кузине. Но его болтовня заставляла соседей остерегаться его как шпиона, и ему пришлось занести в свою книжку следующую заметку:

«Путешественники весьма молчаливы и в разговоре о политике от них слова не добьешься».

В поезде было еще другое лицо, столь же заинтересованное разговором спутников, как и наш француз: это был Гарри Блаунт, ехавший в другом вагоне и не подозревавший присутствия в поезде своего коллеги. Англичанин всю дорогу молчал, зато он внимательно слушал своих соседей, которые, не считая его опасным, разговаривали при нем, не стесняясь. Ему было что послушать, и наблюдения свои он выразил так:

«Путешественники очень встревожены событиями дня, они только и говорят что о войне и судят о действиях правительства чрезвычайно смело».

Между тем полицией были приняты все меры, чтобы схватить Огарева, который, как предполагалось, еще не успел выехать из Европейской России. На каждой большой станции вагоны осматривались, и если кто-либо из едущих казался подозрительным, его задерживали для обыска. Во Владимире в тот вагон, где сидел Строгов, вошло несколько новых пассажиров, между прочим, молодая девушка лет семнадцати, которой пришлось сесть как раз напротив нашего героя. Она была среднего роста и очень стройна, но ее миловидное личико было печально. Должно быть, будущее представлялось ей в мрачных красках, хотя по ее лицу было видно, что это энергичная натура, готовая бороться с жизнью, несмотря на свою молодость. Молодая путешественница была, очевидно, небогата: весь ее багаж состоял из небольшого саквояжа, который она держала в руках. Одежда ее была также очень скромна: широкий дорожный плащ, темное платье, очень просто сшитое, прочная обувь, очевидно предназначенная для продолжительного путешествия, и соломенная шляпа, из-под которой выбивались роскошные золотистые волосы. Строгов, рассеянно взглянувший на девушку при ее появлении, тотчас почувствовал в ней характер, сходный с его собственным, и это заставило его приглядеться к ней внимательнее. Он не искал случая завязать разговор, но, когда путешественник, сидевший рядом с девушкой, задремавши, толкнул ее, Строгов его разбудил и попросил не беспокоить соседку. Тот сначала покосился на непрошеного защитника, но, видя по его лицу, что он шутить не намерен, предпочел пересечь подалее. Молодая девушка посмотрела на Строгова, и ее взгляд выразил немую благодарность. Верст за двенадцать не доезжая Нижнего, поезд едва не сошел с рельсов на крутом повороте. Пассажиры, испуганные сотрясением, вскочили со своих мест и, как только поезд остановился, бросились из вагонов, хотя скоро выяснилось, что никакого несчастья не произошло. Строгов, взглянув на свою молодую спутницу, с удивлением заметил, что она спокойно осталась сидеть на месте и только слегка побледнела.

«Эта девушка не из робких», – невольно подумал он.

Происшествие это заставило поезд опоздать часа на два, но к вечеру он благополучно достиг Нижнего Новгорода. Все прибывшие должны были предъявить свои паспорта, не выходя из вагонов. Осматривавший их чиновник, посмотрев паспорт, поданный ему молодой девушкой, спросил ее:

– Вы едете из Риги в Иркутск?

- Да, – отвечала она.
- Какою дорогой?
- На Пермь.

Услыхав этот разговор, Строгов почувствовал невольное страдание к своей юной спутнице, которой предстояло совершить в полном одиночестве такую длинную и опасную дорогу. Он хотел подойти к ней, но как только дверцы вагона открылись, молодая девушка легко спрыгнула на землю и скрылась в толпе, прежде чем он успел ее остановить.

Глава V. Неожиданный приказ

Чем дальше к востоку, тем путь нашего героя становился медленнее и затруднительнее, так как в Нижнем путешествие его по железной дороге прекращалось.

Тотчас по прибытии в этот город Строгов отправился на пароходную пристань, чтобы узнать, когда идет пароход в Пермь. Оказалось, что ему надо ожидать следующего дня, что было крайне неприятно нашему герою. Отыскать себе пристанище на ночь было тоже нелегко ввиду того, что все гостиницы оказались переполненными. Наконец Строгову удалось найти свободный номер в гостинице «Константинополь». Поужинавши, он не лег спать, а пошел бродить по улицам, окутанным прозрачными сумерками летней ночи. Мысли его невольно обратились к молодой девушке, бывшей в течение нескольких часов его спутницей. Ему пришло в голову, каким неприятностям она легко могла подвергнуться одна среди разноплеменной толпы, наполнявшей Нижний во время ярмарки. Он охотно выступил бы ее защитником, но по какому праву и притом, где разыскать ее?

«Уже теперь, – думал он, – положение ее незавидно, что же будет дальше? Как доберется она до Иркутска и зачем туда едет? Она слышала тревожные толки в вагоне, но не выказала ни удивления, ни испуга; следовательно, ей уже было заранее известно о восстании. Причины, побуждающие ее к путешествию, вероятно, очень важны, если заставили ее решиться на этот путь, зная, с какими опасностями он сопряжен. Но при всем ее мужестве она едва ли достигнет цели своей поездки – препятствия и утомление наверно сломят ее».

Занятый своими мыслями, Строгов машинально двигался вперед, пока усталость не дала себя почувствовать. Он присел на скамейку возле одного из деревянных барачков, выстроенных на месте торгового двора. Вдруг чья-то рука, опустившаяся на его плечо, заставила его вздрогнуть.

– Что вы тут подделываете, барин, – раздался возле него грубый голос, и герой наш, подняв голову, различил в нескольких шагах от себя какую-то высокую фигуру.

– Отдыхаю, – отвечал он.

– Что же, вы и ночевать тут хотите? – продолжал свои расспросы незнакомец.

– Может быть, – возразил Строгов с оттенком нетерпения.

– Дайте-ка взглянуть на себя, – продолжал неотвязчивый собеседник.

– Это совершенно лишнее, – спокойно сказал фельдъегерь и из предосторожности отступил на несколько шагов.

Теперь он разглядел незнакомца: это был, очевидно, цыган, которых так много на всех ярмарках. Возле барака стояла одна из тех повозок, какие служат этим кочевникам для переездов. Дальнейший разговор бы прерван появлением женщины, которая высунулась из дверей барака и крикнула по-цыгански:

– Оставь его, это, наверное, шпион. Иди скорее, ужин на столе!

– Твоя правда, Сангарра, – отвечал цыган, – притом мы все равно завтра уедем.

– Завтра? – воскликнула та с удивлением.

– Конечно, – продолжал ее собеседник, входя в барак и запирая за собой дверь. – Ты сама знаешь, куда мы едем и кто нас посылает!

Строгов, знавший цыганское наречие, понял их разговор, но не придавал ему особенного значения и скоро о нем позабыл.

Вернувшись к себе в номер, он лег в постель и скоро уснул. Наутро, напившись чаю, он заплатил по счету и вышел, намереваясь позавтракать где-нибудь поближе к пристани. Уверившись, что пароход «Кавказ» отчалит ровно в полдень, он пошел, как и вчера, бродить по городу. Перейдя понтонный мост, соединяющий город с левым берегом Волги, он очутился недалеко от того места, где ночью встретился с цыганами.

Тут начинаются ярмарочные постройки, состоящие из деревянных зданий, разделенных широкими изгородями. Каждый род торговли занимал отдельный квартал: там были деревянные, железные, мясные, рыбные, пушные, мануфактурные ряды. Среди лавок толпилась масса народу, осматривая, выбирая, прицениваясь к разнообразным товарам, предлагаемым торгующими. Тут можно было встретить представителей всех наций, как европейских, так и азиатских. Шум и суматоха еще увеличивались барабанным боем и духовой музыкой, которые неслись из балаганов, где непрерывно давали представления фокусники, акробаты и укротители зверей.

Между зрителями, наблюдавшими это интересное зрелище, оказались и знакомые уже нам корреспонденты, господы Блаунт и Жоливе. Встретившись, они нисколько не были удивлены, но обменялись холодными поклонами и не вступали в разговор. Их мнения о Нижнем Новгороде совершенно расходились: француз поспешило найти порядочный номер и недурной обед, поэтому он отозвался о Нижнем весьма благосклонно, тогда как Блаунт, которому не удалось нигде найти пристанища, собирался разгромить в своей газете город, где путешественники были лишены самого необходимого комфорта.

Посторонний наблюдатель легко мог бы видеть, что на этот раз, несмотря на видимое оживление, в среде торговцев было заметно беспокойство. Волнения в Средней Азии очень невыгодно отразились на торговле теми товарами, которые привозились оттуда.

Был еще и другой признак, указывавший, что не все обстоит благополучно, это – полное отсутствие солдат, которые в ожидании внезапной тревоги были все собраны в казармах.

Вдруг в толпе разнесся слух, что генерал-губернатор получил очень важную депешу из Москвы и немедленно потребовал к себе полицмейстера. Строгов стал прислушиваться к ходившим в толпе толкам о том, что, пожалуй, закроют ярмарку, когда полицмейстер вдруг показался на подъезде губернаторского дома с какой-то бумагой в руке и громко прочел следующее:

«Приказ нижегородского генерал-губернатора:

- 1) Всем русским подданным воспрещается выезжать из губернии под каким бы то ни было предлогом;
- 2) Всем чужеземцам азиатского происхождения предписывается покинуть пределы губернии через двадцать четыре часа».

Глава VI. Брат и сестра

Эти меры, несмотря на их неудобства для частных лиц, были вызваны необходимостью: они имели в виду если не предупредить, то хотя бы затруднить выезд Огарева из пределов Европейской России, и таким образом лишить Феофар-Хана самого опасного его пособника. Вместе с тем второй пункт приказа изгонял всех прибывших из Центральной Азии торговцев, равно как и цыган и прочих бродяг, которые принадлежали к монгольским народностям и потому легко могли оказаться шпионами.

Начались поспешные сборы: балаганы ломали, холст, натянутый над лавками, складывали и убирали в наскоро запряженные фургоны. Полицейские строго следили за исполнением указа и торопили тех, кто медлил.

Михаил Строгов, выслушав чтение указа, вспомнил загадочные слова цыгана, с которым встретился ночью: «Ты сама знаешь, – сказал тот позвавшей его женщине, – куда мы должны ехать и кто нас посылает». Слова эти как будто указывали на то, что принятая правительством мера была заранее известна этим кочевникам и, по-видимому, оказывалась им на руку. Внезапно молодого человека осенила другая мысль, заставившая его забыть все остальное: он вспомнил свою молодую спутницу и невольно воскликнул:

– Бедное дитя! Теперь уж ей ни за что не удастся перейти границу.

Строгов стал раздумывать, не может ли он оказать ей какую-нибудь помощь. Цель путешествия обоих была одна и та же, и на пути в Пермь они, по всем вероятностям, должны были встретиться. Желая оказать беззащитной девушке услугу, фельдъегерь в то же время сообразил, что и она может быть ему полезна как спутница, так как присутствие ее рассеет всякие сомнения в тождестве его с купцом Корпановым, каковым он значился в паспорте. Поэтому он твердо решил отыскать ее во что бы то ни стало, употребив на эти розыски те два часа, которые еще оставались до отплытия парохода. Он осмотрел все улицы, заглянул в церкви, но нигде не нашел молодой рижанки. Измученный поисками и почти утерев надежду на успех, он зашел в канцелярию полицмейстера, чтобы предъявить свой паспорт. Хотя ему был разрешен свободный проезд всюду, но лучше было заранее удостовериться, что никаких препятствий не возникнет. В приемной полицмейстера оказалось громадное скопление народа. С помощью сунутого сторожу рубля нашему герою удалось проникнуть в канцелярию. Вставши в очередь, он огляделся и вдруг увидел ту, которую так долго и безуспешно разыскивал. Молодая девушка сидела в стороне на скамейке, и ее поза выражала немое отчаяние. Очевидно, она пришла сюда, чтобы показать свой паспорт, еще не зная ничего об изданном указе, но так как никаких исключений не допускалось, то ей было отказано в пропуске. Подняв голову, молодая девушка вдруг увидела подходившего к ней Строгова, и ее лицо озарилось слабой надеждой. Она встала ему навстречу и уже готова была просить его о помощи, как вдруг его отозвал один из сторожей, сообщив, что его требует полицмейстер. Он должен был удалиться, к безграничному отчаянию девушки, терявшей в его лице последнюю надежду. Однако через несколько минут Строгов вышел из кабинета полицмейстера и направился прямо к ней.

– Сестра, – сказал он, – поедем, мы можем беспрепятственно продолжать дорогу.

Она поняла все и, протянув своему спутнику руку, молча последовала за ним.

Глава VII. Вниз по волге

«Кавказ» собирался отчаливать. Пары были разведены, и пассажиры спешили занять свои места, прежде чем раздастся свисток и мостки будут сняты. Далеко не всем желавшим уехать удалось пробраться на пароход: многочисленный наряд полиции наблюдал за порядком и пропуск был безжалостно прегражден тем из путешественников, которые не удовлетворяли условиям только что изданного указа. На палубе в числе прочих отъезжающих стояли Михаил Строгов и молодая рижанка. Их пропустили беспрепятственно, так как в его бумагах значилось, что Николай Корпанов может совершать свое путешествие по Сибири в сопровождении одного или двух лиц; при этих условиях присутствие его сестры было вполне законно. Пароход медленно отвалил от пристани и двинулся вниз по реке. Переезд от Нижнего Новгорода до Казани совершался довольно быстро, ввиду того что плыть приходится по течению. Доходя немного ниже Казани, до устья Камы, пароход направляется вверх по этой реке и на все путешествие до Перми употребляет приблизительно около двух с половиною суток. «Кавказ», принадлежавший к одним из лучших пароходов компании, был переполнен пассажирами. Тут

попадались китайцы в своих национальных костюмах, армяне, евреи, индусы, турки, татары – словом, большая часть азиатских торговцев, спешивших выбраться из Нижнего Новгорода со своими товарами, которыми были нагружены люк и нижняя палуба парохода. На корме помещались пассажиры третьего класса, крестьяне, которым проезд в другие города не был воспрещен. Навстречу «Кавказу» попадались другие пароходы, тащившие на буксире баржи, и тянулись нескончаемые плоты. По берегам виднелись то засеянные поля, то небольшие рощицы, перерезанные оврагами. Строгов, занявший для себя и своей спутницы две каюты первого класса, сидел на палубе рядом с нею, но избегал расспросов, боясь быть нескромным. «Она сама расскажет мне все, что найдет нужным», – думалось ему. После отплытия парохода молодая девушка несколько минут сидела молча; потом она обратилась к Строгову с вопросом:

– Ведь вы едете в Иркутск?

– Да, – отвечал молодой человек. – Будьте спокойны, вы проедете всюду, где только проеду я. Но в качестве брата и сестры, – прибавил он с улыбкой, – мы должны быть на «ты» и называть друг друга по имени.

– Я согласна, – отвечала молодая девушка. – Меня зовут Надей; завтра я расскажу тебе, зачем еду так далеко, но теперь не спрашивай меня: я очень утомилась и слишком много выстрадала за эти дни.

– Я не любопытен, – сказал фельдъегерь, – и не стану надоедать тебе расспросами, а теперь я советовал бы тебе пойти отдохнуть в свою каюту.

Когда молодая девушка удалилась, Строгов подошел к одной из групп пассажиров в надежде услышать что-нибудь интересное. Негодование изгнанных азиатских купцов было понятно: они не успели еще отдохнуть от своего долгого путешествия и теперь, благодаря закрытию ярмарки, потерпели большие убытки; несмотря на это, никто из них не решался высказывать вслух свое неудовольствие, опасаясь шпионов, и нашему герою так бы не удалось ничего узнать, если бы он не услышал вдруг беседу двух пассажиров, разговаривавших очень громко и, по-видимому, без всякого стеснения. Оба говорили по-русски, но с иностранным акцентом.

– Как, милейший коллега! – воскликнул первый. – Вас ли я вижу? Признаюсь, я никак не ожидал, что вы меня сопровождаете.

– Я вовсе не сопровождаю вас, – невозмутимо отвечал его собеседник, – я вам предшествую.

– Гм, это немного сильно сказано! Предположим, что мы идем одинаковым аллюром и, вероятно, не обгоним один другого.

– Напротив, – все так же флегматично возразил англичанин, – я как раз намерен вас обогнать.

– Увидим, – сказал Жоливе, – впереди у нас еще довольно времени и поводов быть соперниками.

– Вы хотите сказать, врагами, – поправил его собеседник.

– Ну, будь по-вашему! Вы, милейший господин Блаунт, очевидно, любите точность в выражениях, а поэтому позвольте и мне точнее определить наши взаимные отношения.

– Говорите.

– Ведь вы едете в Пермь, не так ли? А оттуда, вероятно, в Екатеринбург?

– Вероятно.

– Как только мы переедем границу Сибири, каждый из нас может сам для себя стараться, но до тех пор нам выгоднее быть союзниками. Итак, вашу руку!

Англичанин протянул своему спутнику два пальца, которые тот с живостью пожал.

– Кстати, – ядовито заметил Жоливе, – я сегодня в десять часов семнадцать минут утра уже сообщил по телеграфу моей кузине текст указа.

– Я тоже телеграфировал «Ежедневному Телеграфу», только четырьмя минутами раньше вашего.

– С чем вас и поздравляю, господин Блаунт.

– Очень вам благодарен, – сухо ответил англичанин, и оба корреспондента обменялись насмешливыми поклонами.

За обедом они уселись рядом и как ни в чем не бывало распили бутылку шампанского местного производства.

Строгов, который слышал приведенный выше разговор, решил из предосторожности держаться подальше от болтливых журналистов.

Названная сестра его не вышла к обеду: она спала у себя в каюте, и Строгов не велел будить ее.

День стоял очень жаркий, и потому, когда настали сумерки, все пассажиры оживились. Никому не хотелось сидеть в душной каюте, и, расположившись на палубе, все наслаждались вечерней прохладой. После двенадцати часов, когда немного стемнело, большинство путешественников улеглись спать. Только Строгов, которого какое-то тяжелое предчувствие лишало сна, остался бродить вдоль палубы, слабо освещенной двумя фонарями, красным и зеленым, укрепленными наверху на мачтах. На корме парохода, где помещался третий класс, непривычные пассажиры спали не только на скамейках, но и прямо на полу, подложив под голову свои узлы. Фельдъегерь осторожно пробирался вперед, стараясь не задеть спящих, и уже хотел подняться на верхнюю палубу, как вдруг услышал возле себя голоса, заставившие его остановиться.

Говорили они на том самом цыганском наречии, которое наш герой уже слышал в Нижнем Новгороде, бродя ночью по ярмарке. Он без труда узнал по голосам мужчину и женщину, с которыми тогда встретился.

– Говорят, что из Москвы в Иркутск послан курьер, – сказал женский голос.

– Пусть их говорят, – возразил мужчина, – но этот курьер либо опоздает, либо вовсе не доедет!

Строгов невольно вздрогнул при этих угрожающих словах. «Кому же, – думал он, – известен мой отъезд и кто им интересуется?»

Глава VIII. Вверх по Каме

На другой день, 18-го июля, часов в шесть утра, «Кавказ» подошел к казанской пристани. Самый город Казань отстоит от пристани на семь верст и находится при впадении Казанки в Волгу.

Как только «Кавказ» причалил, все пассажиры, как вновь прибывшие так и сходящие на берег, подверглись тщательному осмотру полиции.

Строгов стоял на палубе, наблюдая за толпой, – он решил не выходить на берег, так как до города было довольно далеко, и он не хотел оставлять свою названую сестру одну на пароходе. Что касается обоих журналистов, то они поднялись с зарей и поспешили сойти на пристань и вмешаться в толпу, чтобы прислушаться к народным толкам.

По словам вновь прибывших пассажиров, волнения в Туркестане приняли угрожающие размеры и сообщение стало чрезвычайно затруднительно.

Строгов был очень встревожен этими известиями и собирался расспросить кого-нибудь подробнее, как вдруг его внимание было привлечено несколькими пассажирами, покидавшими пароход. Он тотчас узнал уже знакомых ему цыган. Их было человек двадцать, и предводительствовали ими те самые старик и женщина, которые сочли его за шпиона. Одежда старого цыгана состояла из каких-то лохмотьев, а шляпа его, совершенно выцветшая от солнца, была нахлобучена на самый лоб, как будто для того, чтобы скрыть его лицо. Рядом с ним стояла

женщина, которую он называл Сангаррой; это была красивая брюнетка, с правильными чертами лица и огненными глазами. Проходя мимо Строгова, она словно нарочно замедлила шаги и взглянула на него так пристально, как будто хотела навсегда запечатлеть в своей памяти его образ. Этот взгляд смутил молодого человека.

«Неужели она узнала меня? – подумал он. – Нет ничего удивительного, если да; хотя было темно, но у этих цыганок настоящие кошачьи глаза».

Он уже хотел сойти на берег, чтобы проследить, куда направится табор, но сообразил, что может этим выдать себя. Притом цыгане, сойдя здесь, должны были направиться на Ишим более краткой, но менее удобной дорогой, чем та, по которой решил ехать Строгов и которая шла на Пермь, Екатеринбург и Тюмень, следовательно, он, по всему вероятию, должен был переехать Сибирскую границу прежде них.

Пароход останавливался в Казани очень ненадолго, только чтобы запастись топливом, и в семь часов утра был дан звонок к отплытию.

Между пассажирами наш герой заметил только одного Блаунта, его коллега, очевидно, опоздал.

Действительно, в ту минуту, когда пароход отвалил от пристани, на берегу показался Жоливе, бегущий со всех ног; достигнув пристани, он не обратил внимания на то, что мостики уже убраны, и одним ловким прыжком очутился на палубе.

– А я уже думал, что мы без вас уедем, – кисло заметил англичанин.

– Не беда, – возразил тот, – я бы вас все равно догнал или в лодке, или на почтовых, какие бы деньги ни пришлось заплатить за это. Не удивляйтесь, что я опоздал – ведь от пристани до телеграфа не близко.

– А, вы были на телеграфе?

– Да, – с притворным равнодушием заметил француз, – я послал моей кузине телеграмму о том, что Феофар-Хан во главе своего войска уже достиг Семипалатинска и намерен двинуться вниз по Иртышу. Видите, как я любезен: я сейчас же сообщаю вам все, что сам узнал.

Блаунт был глубоко оскорблен тем, что позволил себя перехитрить; он повернулся к своему собеседнику спиной и пересел на другую сторону парохода.

Часов в десять утра на палубу вышла Надя.

Строгов подошел к ней и, взяв молодую девушку под руку, предложил ей пройти на нос парохода, откуда можно было любоваться чудной панорамой.

Пароход приближался к устью Камы, и перед глазами путешественников с обеих сторон возвышались ее живописные крутые берега, заросшие густым хвойным и лиственным лесом, синеватая линия которого на горизонте сливалась с небом.

Несмотря на красоту окружавшей ее природы, молодая девушка осталась равнодушна; мысли ее были заняты другим – она думала о том, как бы поскорее достигнуть цели своего путешествия.

– Далеко ли мы от Москвы? – спросила она.

– За девятьсот верст, – отвечал Строгов.

– Боже мой! Только девятьсот, а всего надо проехать семь тысяч! – печально воскликнула Надя.

Приближалось время завтрака, и Строгов предложил своей спутнице закусить. Завтрак их был очень скромный и продолжался недолго. Когда они снова поднялись на палубу и заняли места в стороне от прочей публики, Надя рассказала молодому фельдъегерю свою печальную повесть.

Отец ее, доктор Василий Федоров, жил в Риге, где имел хорошую практику и пользовался общим уважением. Однако нашлись недоброжелатели, которые завидовали его популярности. По их проискам, в квартире Федорова произвели обыск, причем были найдены запрещенные книги, которые принадлежали одному его пациенту, незадолго перед тем умершему.

Доктор взял их на хранение, не подозревая их содержания, но это послужило против него уликой, и оклеветавшие его враги добились того, что он был предан суду и сослан на поселение в Иркутск. Жена его не могла за ним последовать: это несчастье так поразило ее, что она тяжело заболела и спустя полтора года скончалась, оставив дочь совершенно одинокой и без всяких средств. Тогда Надя решила ехать к отцу.

Любуясь живописными берегами Камы, молодые люди в разговоре и не заметили, как настала ночь. Пароход плавно подвигался вперед; вылетающие из трубы искры ярко блестели на темном небе, и в лесах по берегу Камы время от времени слышалось протяжное завывание волков.

Глава IX. В тарантасе днем и ночью

На другой день наши путешественники прибыли в Пермь. Несмотря на важное экономическое значение Пермской губернии, которая изобилует мраморными ломками, золотыми и платиновыми россыпями и угольными копями, самый город Пермь в то время, к которому относится наш рассказ, имел довольно непривлекательный вид. Это особенно неприятно поразило тех путешественников, которые ехали из Сибири в Европейскую Россию и были утомлены длинным переездом и полным отсутствием комфорта во время своего путешествия по Средней Азии. От Перми дальше на восток надо было ехать на лошадях, а потому здесь путешественники обыкновенно приобретали соответствующий времени года экипаж. Так решил поступить и Строгов.

Выбор, предстоявший ему, был очень мал, так как все почти экипажи были раскуплены. Наконец ему посчастливилось найти тарантас, который он и приобрел, предварительно поторговавшись, чтобы получше походить на купца. Надя сопровождала его в его поисках, потому что не менее Строгова спешила с выездом.

– Мне жаль, сестрица, – сказал молодой человек, – что я не нашел для тебя экипажа поудобнее.

– Я все перенесу! – с жаром воскликнула девушка. – Если ты от меня услышишь хоть одно слово жалобы, брось меня в дороге и поезжай один!

Ни Строгов, ни его молодая спутница не везли с собой багажа: один потому, что должен был спешить, другая потому, что не имела средств. Это отсутствие сундуков и чемоданов неприятно поразило ямщика, как доказательство того, что пассажиры небогаты.

– Ну, – проворчал он довольно громко, – с этих, видно, немного получишь!

– Не беспокойся, братец, – отвечал молодой фельдъегерь, – мы заплатим по гривеннику с версты, да сверх того тебе на чай, только вези нас хорошенько.

Лицо ямщика просияло; он мигом вскочил на козлы, взмахнул кнутом, и тарантас тронулся среди облака пыли. Хотя лошади бежали дружно: коренник шел рысью, тогда как пристяжные все время скакали галопом, но тарантас так и подбрасывало из стороны в сторону на неровностях дороги. Надя несколько раз очень больно ушибалась при этих неожиданных толчках, но не произнесла ни малейшей жалобы. Ее занимала одна мысль: как бы поскорее доехать.

– Если не ошибаюсь, – сказала она, – от Перми до Екатеринбурга триста верст?

– Да, – отвечал Строгов, – и тогда мы достигнем подошвы Уральского хребта. На переезде через горы мы употребим сорок восемь часов, так как я очень спешу и нигде не могу останавливаться.

– Не бойся, – возразила девушка, – я не задержу тебя ни минуты.

– При этих условиях мы доедем до Иркутска в двадцать дней.

– Как жаль, – заметила Надя, – что теперь не зима: тогда мы доехали бы гораздо скорее, не правда ли?

– Конечно, но зато как труден переезд при сильном морозе! Мне случилось три раза ездить в Омск зимой, и холод был так силен, что я чувствовал, несмотря на доху, что совершенно коченею. Шерсть лошадей покрылась инеем, а водка в моей фляге совсем замерзла. Я перенес это путешествие только благодаря тому, что сам сибиряк и с детства привык к нашему суровому климату, но мне кажется, что ты никогда бы не доехала.

– Зачем ты ездил в Омск? – прервала его Надя.

– Навестить мать.

– Вот видишь! – заметила она. – А я спешу в Иркутск, чтобы повидаться с отцом и передать ему последние слова матери. Ничто решительно не остановит меня на этом пути.

– Ты храбрая девушка, Надя, – с чувством сказал Строгов. – Дай Бог тебе успеха!

Тарантас между тем быстро подвигался вперед. На станциях наших путников не задерживали, так как они щедро платили на чай ямщикам. Остановки были самые непродолжительные: на некоторых станциях Строгов и Надя слегка закусывали тем, что можно было достать, на других они только ожидали, пока переменят лошадей. День прошел в непрерывной езде. Надя вздремнула, несмотря на ухабы, но спутник ее все время не смыкал глаз: он опасался, чтобы ямщик не уснул и не вывалил их, что при отвратительной дороге было более чем вероятно. На одной из станций они узнали, что впереди по той же дороге едут еще двое путешественников в простой телеге, но платят они щедро и требуют самых лучших лошадей.

Глава X. Гроза в уральских горах

Уральский хребет тянется от Ледовитого океана до Каспийского моря и составляет естественную границу между Азиатской и Европейской Россией. Нашим путешественникам предстояло переехать горы по дороге из Перми в Екатеринбург, лучшей из ведущих через хребет, так что можно было рассчитывать совершить этот проезд в продолжение ночи. На дурную дорогу они мало обращали внимания, но удушливая жара и отдаленные раскаты грома заставляли опасаться грозы.

– В котором часу мы доедем до перевала? – спросил Строгов у ямщика.

– Часу в первом ночи, – отвечал тот, – да еще кто знает, доедем ли.

– Полно, братец, трусить, ведь ты, верно, не в первый раз встречаешь грозу в горах.

– Правда, что не в первый, – возразил ямщик, – а все-таки напрасно вы, барин, поехали.

– Было бы еще хуже, если бы я остался, – коротко ответил фельдъегерь.

Ямщик понял, что возражения не помогут, и стегнул лошадей. Вдруг яркая молния прорезала тучи, и над самой головой путников раздался такой оглушительный удар грома, что лошади разом остановились. Строгов схватил за руку свою спутницу.

– Будь готова ко всему, Надя, – проговорил он, – гроза начинается.

– Я не боюсь, брат, – твердо отвечала девушка.

Соскочивший с козел ямщик схватил под уздцы лошадей, которые пятились и вставали на дыбы, так что тарантас рисковал опрокинуться в пропасть, зияющую влево от дороги. Как ни старался несчастный ямщик, он не мог справиться с обезумевшими животными, пока Строгов сам не поспешил ему на помощь и не сдержал лошадей, благодаря своей необыкновенной силе. Вдруг они услышали вверху какой-то шум и, подняв голову, заметили несколько громадных камней и вырванных с корнем стволов, которые медленно сползали по откосу и угрожали раздавить путешественников.

– Здесь нам нельзя оставаться, – заметил Строгов.

– Где уж тут оставаться, – воскликнул перепуганный ямщик, – того и гляди, что угодим на самое дно пропасти!

– Держи под уздцы правую пристяжку, – приказал ему фельдъегерь, – а я возьму левую!

Новый порыв урагана чуть не сшиб с ног обоих, а тарантас, несмотря на все их усилия, сдвинулся с места и непременно скатился бы в пропасть, если бы его не задержал ствол дерева, лежавший на краю дороги. Надя выглянула из тарантаса: она была бледна, но совершенно спокойна.

– Не вернуться ли нам, барин? – спросил ямщик.

– Ни под каким видом! Когда мы перевалим через вершину, мы будем защищены скалами.

– Да что тут поделаешь с лошадьми, они не идут вперед! – пробовал возразить ямщик.

– Не рассуждай и едем дальше, я должен продолжать путь, потому что этого сам царь требует! – воскликнул Строгов, в первый раз упомянув имя государя.

– Эй, голубчики, вперед! – крикнул ямщик, и лошади двинулись.

Строгов и ямщик шли по сторонам, ведя под уздцы пристяжных. Порывы ветра несколько раз сшибали их с ног и, наверное, сорвали бы с тарантаса верх, если бы он не был так крепко привязан. Подъем продолжался с лишком два часа и приближался уже к концу, как вдруг целый град камней посыпался сверху, и испуганные путешественники разглядели несколько стволов, скользящих по откосу прямо над их головами. Строгов хлестнул лошадей, но они не двинулись с места. Опасность придавала ему нечеловеческую силу: он уперся руками в оглобли и сдвинул тарантас на несколько шагов назад. Огромная каменная глыба прокатилась шагах в двух вперед и едва не задела молодого человека.

– Брат! – закричала перепуганная Надя.

– Не бойся, – отвечал он, – с Божьей помощью мы проедем благополучно.

– Я не за себя боюсь, – с чувством сказала девушка, – и, видно, Бог мне помогает, что послал тебя на моем пути.

С трудом протацившись еще сажень двадцать, путешественники достигли места, где скалы образовали углубление, защищенное от порывов ветра. Тут экипаж был в сравнительной безопасности, хотя налетавший ураган по временам ударял его о скалу так сильно, что он угрожал сломаться. Строгов посоветовал Наде выйти и укрыться от непогоды в углублении скалы, представлявшем род пещеры. В это время полил сильнейший дождь и продолжать дорогу стало невыносимо.

– Буря так сильна, – сказал он своей молодой спутнице, – что, верно, не будет продолжительна. Часа в три станет светать, и нам легче будет спускаться.

Надя не успела ответить; раздался оглушительный удар, в воздухе распространился удушливый запах серы, и молния ударила прямо в сосну, стоявшую шагах в двадцати от тарантаса. Огромное дерево вспыхнуло, как лучина. Ямщик, оглушенный ударом, упал на землю, но, к счастью, остался невредим. Раскаты грома начали постепенно стихать, как вдруг Надя схватила своего спутника за руку и с испугом прошептала:

– Брат, я слышу крики! Кто-то зовет на помощь!

Глава XI. Путники в беде

Через несколько минут они явственно услышали крики, доносившиеся с дороги, невдалеке от того места, где приютился тарантас.

– Наверное, это путешественники, с которыми случилось какое-нибудь несчастье! – воскликнула Надя.

– Нам дай Бог из своей беды выпутаться: на нас пусть они не рассчитывают! – заметил ямщик.

– Отчего же нет! – возразил Строгов. – Я пойду посмотреть, нельзя ли им помочь.

– И я с тобой, – сказала Надя.

– Нет, сестрица, лучше останься здесь и не отходи от тарантаса.

– Будь спокоен, – отвечала девушка.

– Напрасно ваш братец туда пошел, барышня, – заметил Наде ямщик, когда Строгов исчез за поворотом дороги.

– Нет, он прав, может быть, нам удастся им помочь, – отвечала она спокойно.

Молодой фельдъегерь быстро шел вперед. Он от души желал принести пользу пострадавшим путникам, а в то же время его интересовало, кто это рискнул в такую непогоду предпринять путешествие по горам. Дождь прекратился, но ветер завывал по-прежнему. Порывы его были так сильны, что нашему герою стоило большого труда удержаться на ногах. Выступы скал мешали ему видеть тех, кто взывал о помощи, но, по-видимому, они были близко, потому что до его слуха скоро донесся следующий разговор:

– Держи их, держи! И что у вас за экипажи! Пускаться в дорогу с такой рухлядью. Да за это на тебя стоит подать жалобу, мерзавец!

Путешественник, выразивший таким образом свое негодование, был неожиданно прерван громким хохотом своего спутника, который, покатываясь со смеху, проговорил:

– Нет, как хотите, а это уж чересчур комично!

– Не понимаю, чему тут смеяться, – проворчал первый голос.

– Да посудите сами, милейший, – отвечал второй, – что же нам больше остается делать! Я уверен, что нигде в мире с нами не случилось бы подобной истории!

– Уж конечно, не в Англии; за это я могу поручиться, – сердито возразил первый голос.

В эту минуту Строгов, миновав последний поворот дороги, очутился шагах в двадцати от говоривших. При свете молнии он разглядел заднюю часть телеги, глубоко завязшую в грязи, и сидящих в этом оригинальном экипаже двух мужчин, в которых тотчас же узнал ехавших с ним на пароходе иностранных корреспондентов.

– Ах как это кстати! – воскликнул при его появлении француз. – Здравствуйте, и позвольте представить вам моего коллегу и в то же время соперника, господина Блаунта.

Англичанин чопорно поклонился и хотел в свою очередь представить своего товарища Альсида Жоливе, когда Строгов прервал его словами:

– Это излишне, господа, мы уже знакомы, так как ехали по Волге вместе.

– Ах да, – тотчас припомнил француз. – Позвольте узнать, с кем имею удовольствие?..

– Иркутский купец Николай Корпанов, – был ответ. – Расскажите же мне, что такое с вами случилось и почему один из вас негодует, а другой смеется?

– Посудите сами, господин Корпанов, – затараторил Жоливе, – у нашей телеги соскочил шкворень, лошади ускакали вместе с передними колесами, ямщик побежал догонять их, но еще неизвестно, удастся ли их настичь, а задний ход увяз в грязи и мы с ним. Неужели это не смешно?

– Вовсе не смешно, – возразил Блаунт. – Как, по-вашему, мы будем продолжать путь?

– Ничего нет проще, – заметил веселый француз, – вас мы запрежем вместо лошади, а я возьму вожжи и буду вас понукать, как истый ямщик. Посмотрим, как вы тогда побежите.

– Послушайте, господин Жоливе, – перебил рассерженный англичанин, – такие шутки не в моем вкусе.

– Ну-ну, успокойтесь, коллега. Когда вы устанете, я вас сменю, и тогда вы можете не только давать мне бранные эпитеты, но в случае надобности и стегать кнутом.

Слушая этот диалог, Строгов не мог удержаться от улыбки.

– Господа, – сказал он, – я могу вам предложить более удобный способ: мой экипаж стоит недалеко отсюда, у ямщика найдутся запасные колеса, ось он вам также устроит, я вам дам одну из моих лошадей, которую можно будет запрячь в вашу телегу, и я надеюсь, что завтра мы все в одно время приедем в Екатеринбург. К сожалению, я не могу вам предложить сесть в мой тарантас: а нем только два места, а со мною едет моя сестра.

– Мы просто не знаем, как вас благодарить за вашу любезность, – сказал Жоливе.

Англичанин также пробормотал что-то в знак благодарности. Строгов предложил обоим журналистам следовать за ним и оставить свою телегу до возвращения ямщика, который, как и следовало ожидать, явился без лошадей. Дорогой Жоливе без умолку болтал.

– Вы оказали нам большую услугу, господин Корпанов, – сказал он. – Будьте уверены, что при случае мы постараемся отплатить вам тем же, если нам придется еще раз встретиться в степях Туркестана.

Не желая показать, что он скрывает цель своего путешествия, Строгов сообщил корреспондентам, что едет в Омск, и, в свою очередь, спросил их, неужели они отважатся проникнуть в ту область, которая охвачена мятежом.

– Признаться, нам было интересно попасть туда, где можно узнать свежие новости, – заметил француз, – но куда мы затем направимся, мы еще сами не решили, вероятно, в Ишим.

– В таком случае, господа, мы можем до Ишима ехать вместе, – предложил фельдъегерь.

Он предпочел бы продолжать путь один, но явное желание отделаться от попутчиков могло показаться подозрительным. «К тому же, – думал он, – они, верно, остановятся в Ишиме, и тогда я от них избавлюсь». Разговор зашел о татарском нашествии.

– Я слышал в Перми, – сказал француз, – что Феофар-Хан с своими полчищами занял Семипалатинскую область и спускается вниз по Иртышу, а потому спешите, чтобы попасть в Омск раньше него. Говорят еще, что Огареву удалось перейти границу, переодевшись цыганом, и что он направил свой путь из Казани на Екатеринбург.

– Как, вы это знали? – воскликнул задетый за живое Блаунт.

– Да, – отвечал Жоливе, – и я поспешил сообщить эту новость моей кузине.

– Как видно, вы не теряли времени в Казани.

– Конечно, нет, – засмеялся француз, – пока наш пароход запасался топливом, я запасался новостями.

На эти препирательства журналистов Строгов не обращал внимания, так его поразили слова француз, что Огарев был наряжен цыганом; он тотчас припомнил свою встречу со старым бродягой в Нижнем, свое путешествие по Волге и высадку табора в Казани. Вдруг невдалеке раздался выстрел. Все трое бросились к тому месту, откуда он донесся. Загоревшаяся от молнии сосна ярко освещала углубление в скалах, где Надя осталась дожидаться своего названного брата, но не успели Строгов и оба корреспондента подойти поближе, как раздался вторичный выстрел. Строгов бросился вперед и увидел прямо перед собою огромного медведя. Очевидно, непогода заставила животное укрыться именно там, где был спрятан тарантас. Обе пристяжные вырвались из рук ямщика, который бросился за ними, а экипаж остался без присмотра. Надя при виде опасности не потеряла голову; она подбежала к тарантасу, схватила один из заряженных револьверов Строгова и выстрелила в медведя в упор. Животное, слегка раненное в плечо, направилось прямо к девушке; еще минута – и она погибла бы; но даже в это мгновение мужество ей не изменило, и она выстрелила в медведя вторично. В ту же минуту подоспел Строгов; он выхватил охотничий нож и одним ловким ударом уложил медведя на месте.

– Сестра, ты не ранена? – был первый вопрос, с которым фельдъегерь обратился к молодой девушке.

Она поспешила его успокоить. В это время оба журналиста, бывшие свидетелями ловкого удара Строгова, подошли и почтительно поклонились Наде.

– Однако, господин Корпанов, – заметил Жоливе, – для простого купца вы очень недурно владеете оружием!

– Такова уж сибирская жизнь, господа, – отвечал фельдъегерь, – здесь всему научишься!

Разговор был прерван появлением ямщика, которому удалось поймать и привести обеих пристяжных. Пока он запрягал, француз шепнул своему коллеге:

– Сестра, как видно, под пару братцу, оба они не из робкого десятка.

Глава XII. Вызов

Екатеринбург представляет весьма значительный промышленный центр, где сосредоточено управление заводами всего Уральского края. Население его довольно многолюдно, а в то время, о котором мы повествуем, оно еще увеличилось, так как город был переполнен беглецами из Туркестана и киргизских степей. Отсюда дорога шла на Тюмень и Ишим; сначала приходилось проезжать гористую местность, по которой проходят отроги Уральского хребта, далее тянутся на сто семьдесят верст, до самого Красноярска, бесконечные степи. Строгов предупредил своих спутников, что не будет нигде останавливаться, так как они с сестрой спешат в Омск, где находится их мать. Корреспонденты ответили, что также не желают мешкать. ЖолIVE скоро подыскал для себя и своего товарища хороший тарантас, и ровно в полдень оба экипажа выехали из Екатеринбурга.

Надя осматривалась по сторонам с любопытством и сильным волнением: наконец-то она в Сибири, в той стране, где отец ее осужден жить вдали от родных мест! Несмотря на поглощавшую ее мысль о свидании с отцом, Надя зачастую думала о своем спутнике. Она припомнила все подробности своей встречи со Строговым – этой встречи, которая оказалась для нее такой счастливой. Она благодарила Бога за то, что Он послал ей спутника, к которому она сразу почувствовала такое доверие, как если бы он действительно был ее братом. Молодая девушка чувствовала, что с ним ей не страшны никакие препятствия, и твердо верила, что теперь ей удастся достигнуть заветной цели. Строгов, в свою очередь, размышлял о своем неожиданном приключении. Он тоже был благодарен Провидению, которое дало ему возможность встретить Надю: взяв ее под свое покровительство, он мог сам избежать подозрений и в то же время сделать доброе дело. Мысль о том, что теперь он достиг Сибири, сильно озабочивала молодого фельдъегеря: здесь он подвергался гораздо большим опасностям, чем в Европейской России, особенно если слух о том, что Огарев перебрался через границу, оказывался верным. Откройся только, что он царский курьер, – и успех возложенного на него поручения погиб, а вместе с тем и он сам.

Если Строгов и Надя были погружены каждый в свои мысли, то и в другом тарантасе разговор нельзя было назвать оживленным. Каждый из корреспондентов делал краткие заметки о своем путешествии, которое было весьма однообразно.

Местность, по которой проезжали наши путники, была пустынная: многие селения были покинуты жителями, спешившими перебраться со своими стадами и прочим имуществом в более безопасные места. Некоторые киргизские племена, которые не принимали участия в восстании, тоже перенесли свои кибитки за Иртыш и за Обь. Во всех городах, через которые Строгову и его спутникам приходилось проезжать, почтовое и телеграфное сообщение производилось еще без помехи; это обстоятельство было очень по душе обоим журналистам, которые спешили передавать куда нужно полученные ими сведения.

Строгов был очень доволен, что путешествие его совершается без препятствий; он надеялся, что при таких благоприятных условиях ему удастся скоро доехать до Иркутска. 22 июля к ночи наши герои прибыли в Тюмень. Этот город, известный своими литейным и колокольным заводами, представлял тогда необычайное оживление, и тут вновь прибывшие узнали много интересных новостей: говорили, между прочим, что войска Феофар-Хана подошли к Ишиму и что к нему скоро примкнет, если не примкнул уже, Иван Огарев. Войска были вызваны из Европейской России, но за дальностью расстояния не успели прибыть, только казацкие полки Тобольской губернии рассчитывали дойти до Тюмени и пересечь Тобол на пароме. Благодаря спокойному течению, эта переправа, далеко не единственная на всем пути, совершилась благополучно. На другой день к вечеру, верст за тридцать не доезжая Ишима, Строгов настиг чей-то экипаж. У него тотчас блеснула мысль, что необходимо обогнать эту тройку, иначе они могут

не достать лошадей на почтовой станции. Когда он поравнялся с чужим тарантасом, оттуда выглянула чья-то голова и послышался голос:

– Стой!

Но никто из наших героев не обратил внимания на этот возглас, и лошади продолжали бежать вперегонку. Через несколько минут измученная тройка незнакомого путешественника начала отставать и скоро осталась далеко позади. Часов в восемь вечера Строгов с Надей и оба корреспондента прибыли в Ишим и остановились у почтовой станции. Сведения, которые ожидали здесь наших путников, были самые неутешительные: бухарцы подошли уже к городу, вследствие чего власти перебрались в Тобольск. Строгов немедленно спросил лошадей, что, не перегони он тарантаса, ему не на чем было бы ехать, так как в распоряжении смотрителя оставалась всего одна тройка. Пока запрягали, фельдъегерь попрощался с обоими журналистами, которые решили остановиться в Ишиме. Они дружески пожали руку своему спутнику, который так любезно помог им выпутаться из беды, и выразили надежду встретиться с ним в Омске. В эту минуту дверь открылась, и на пороге показался тот самый незнакомец, которого они перегнали. На вид ему было лет сорок; он был высокого роста, крепко сложен и имел военную выправку. На боку у него была кавалерийская пашка, а в руках хлыст.

– Лошадей! – проговорил он отрывисто и повелительно.

– Свободных лошадей не осталось, – заметил смотритель.

– Откуда же взялись те, что запряжены в тарантас?

– Их уже взял вот тот господин, – отвечал смотритель, указывая на Строгова.

– Вздор! – закричал незнакомец. – Отпрягайте их! Живо! Мне некогда дожидаться.

– Мне тоже некогда, – спокойно произнес фельдъегерь.

Надя, которую эта сцена очень взволновала, подошла к брату.

– Что же, вы не слышите? – продолжал путешественник, обращаясь к смотрителю. –

Отпрягите лошадей и давайте их мне.

– Лошади останутся при том экипаже, в который запряжены, – сказал Строгов.

Он сдерживался, чтобы не вызвать неприятностей, которые могли затормозить отъезд. Незнакомец подошел к нему вплотную и грубым тоном проговорил:

– Так вот как! Вы отказываетесь уступить мне лошадей?

– Да, отказываюсь, – был ответ.

– Хорошо! – воскликнул незнакомец. – Если так, то они достанутся тому из нас, кто будет в состоянии ехать дальше. Защищайтесь! – И с этими словами он обнажил пашку.

– Я драться не буду, – спокойно отвечал Строгов и скрестил руки на груди.

– Что? – воскликнул путешественник. – Вы не будете драться! Даже после этого?

И прежде чем его успели остановить, хлыст свистнул в воздухе и опустился на плечо Строгова. При этом оскорблении молодой человек побледнел как полотно и кулаки его судорожно сжались; он готов был убить на месте дерзкого незнакомца, но в голове его тотчас блеснула мысль о том, что, если он согласится драться на дуэли, это будет задержка, и тогда возложенное на него поручение останется неисполненным. Он сделал над собой страшное усилие и сдержался.

– Трус! – проговорил с презрением незнакомец и, повернувшись к нему спиной, scomандовал: – Живо, подавайте лошадей!

Он вышел на крыльцо, а за ним последовал смотритель, который бросил на Строгова неодобрительный взгляд.

На обоих корреспондентов его поведение тоже произвело впечатление, говорившее далеко не в его пользу; они холодно раскланялись с ним издали и поспешили уйти. Через несколько минут раздался топот лошадей и стук колес удалявшегося тарантаса.

Надя и Строгов остались вдвоем. Молодой человек, казалось, окаменел со сложенными на груди руками, но лицо его выражало страдание. При одном взгляде на это мужественное

лицо. Надя поняла, что должны быть важные причины, которые заставили его оставить безнаказанным тяжкое оскорбление. Она взяла его за руку и ласковым, почти материнским движением отерла слезы, выступившие на его глазах.

Глава XIII. Долг превыше всего

Лошадей можно было достать только на следующее утро, и молодым людям поневоле пришлось переночевать на почтовой станции. Строгов всю ночь не смыкал глаз. Его преследовал образ оскорбившего его незнакомца, и он решил во что бы то ни стало узнать, кто этот человек, откуда и куда он едет. Он попробовал справиться у смотрителя, но тот ничего не мог ему сказать, и в его ответах явно сквозило пренебрежение.

На другой день утром лошади были поданы, и наши герои покинули Ишим, о котором оба сохранили тяжелое воспоминание. В течение дня им пришлось переправиться через реку Ишим, один из главных притоков Иртыша. Течение было довольно быстрое, что делало переправу на пароме гораздо затруднительнее, чем когда переезжали Тобол. От перевозчиков они узнали, что передовые отряды Феофар-Хана уже появились в южной части Тобольской губернии и между ними и русскими полками, вызванными сюда, произошло несколько стычек, которые окончились победой бухарцев. Неприятель убивал, жег и грабил все на своем пути, и местные жители, испуганные его приближением, обратились в бегство. Услыхав эти новости, Строгов стал бояться, что ему не удастся проехать через степи. В том самом месте, где они переправились через Ишим, кончилась цепь пограничных сибирских крепостей. Многие из них были уже сожжены бухарцами. Переправившись через реку, путешественники продолжали путь по той же безлюдной местности. Строгов ничего не говорил, но Надя понимала, что ему тяжело, что он думает о матери, которая жила в Омске, и обратилась к нему с вопросом, получал ли он о ней известия.

– Нет, никаких, – отвечал фельдъегерь.

– Ты заедешь к ней? – спросила молодая девушка.

– Нет, я с ней увижусь по возвращении, – отвечал он.

– А если она выехала из Омска?

– Может быть, – сказал Строгов, – я даже надеюсь, что она успела достичь Тобольска.

Она хорошо знакома со здешней местностью, которую много раз проезжала с моим покойным отцом и со мной, когда я был ребенком.

– Однако, – заметила Надя, – если твоя мать еще в Омске, неужели ты не заедешь к ней?

– Нет, – отвечал дрогнувшим голосом молодой человек. – Не спрашивай меня, Надя, какие причины заставляют меня поступить так: эти причины те же самые, которые побудили перенести оскорбление, нанесенное мне тем негодяем...

Голос его прервался от волнения.

На другой день, двадцать пятого июля, молодые путешественники к рассвету успели уже отъехать от Ишима на сто двадцать верст. На почтовой станции ямщик стал отговаривать их от дальнейшей поездки, говоря, что по степи рышут бухарские отряды, в руки которых они могут попасться, и фельдъегерю удалось его уговорить только при помощи денег. Он не хотел показывать своего паспорта, который открывал ему все дороги, боясь, что это обстоятельство обратит на него внимание. Наконец они тронулись в путь. Дорога была ровная, и к трем часам пополудни они достигли берегов Иртыша. До Омска оставалось всего верст двадцать. Иртыш, одна из главнейших рек Сибири, берет начало в Алтайских горах и, протекая по направлению к северо-западу около семи тысяч верст, впадает в Обь. Вода была в описываемое нами время очень высока, благодаря обильным дождям. Переправа производилась посредством парома, но быстрое течение очень затрудняло ее. Однако опасность не испугала Строгова и Надю, которые решили ехать дальше, невзирая ни на какие препятствия. Молодой человек предложил

сестре сначала перевезти на ту сторону тарантас с лошадьми, а потом вернуться за нею, но Надя решительно отказалась, не желая причинять задержки. Вода стояла так высоко, что паром не мог подойти к самому берегу, и потому поставить на него тарантас оказалось делом нелегким. Наконец все было улажено, и паром отчалил. Два перевозчика ловко работали, упираясь в дно реки длинными шестами, но на середине было так глубоко, что шесты оказались коротки и течением стало увлекать паром. Строгов и Надя, сидевшие в экипаже, с беспокойством следили за направлением парома. Наконец перевозчикам с большим трудом удалось держать направление наискось. При этих условиях надо было причалить не против места отплытия, а верст на пять ниже, но другого исхода не было. Вдруг наш герой заметил несколько больших лодок, наполненных гребцами; они быстро приближались к ним по течению. Не успел Строгов предупредить Надю, которая заметила на его лице беспокойство, как один из перевозчиков с ужасом закричал:

– Это бухарцы!

Перепуганные мужики едва не бросили своих шестов, и Строгову удалось убедить их бороться с течением только обещанием щедрой награды.

– Надя, – сказал он, – будь готова ко всему, даже к тому, чтобы броситься в воду в случае надобности.

– Я не отстану от тебя ни на шаг, – отвечала молодая девушка.

Лодки были от них не дальше, как шагов на сто, и теперь можно было ясно видеть, что в них сидят бухарские солдаты. Строгов сам схватил шест и стал помогать перевозчикам в надежде достичь берега и ускакать от преследователей, которые не имели лошадей, но все усилия были тщетны. Раздалось несколько выстрелов, и две лошади были убиты наповал. Первая лодка подъехала вплотную к парому, и в ту минуту, когда Строгов бросился в воду, увлекая за собой девушку, он почувствовал сильный удар копьём в плечо и на минуту потерял сознание.

Несчастные перевозчики были убиты, а Надя, несмотря на ее отчаянное сопротивление, связана и перенесена в одну из лодок. Затем бухарцы спокойно продолжали свой путь вниз по Иртышу.

Глава XIV. Мать и сын

Омск, один из главнейших городов Западной Сибири, разделялся в то время на два квартала: в одном помещались присутственные места и сам губернатор, другой был населен коммерсантами. Город был окружен небольшой стеной с башнями по углам, но эта защита была незначительна. Мятежники беспрестанно получали новые подкрепления, а главная их сила заключалась в том, что ими предводительствовал изменник Иван Огарев, человек очень образованный и храбрый. Мать полковника Огарева была татарка, и присутствие монгольской крови в его жилах было отчасти заметно в его характере: он отличался хитростью и беспощадной жестокостью, а потому оказывался достойным помощником Феофар-Хана. Войско Огарева, уже владевшее Омском в то время, когда Строгов переправлялся через Иртыш, спешило дальше к востоку, в Томск, где к нему должна была присоединиться остальная армия эмира. Но главный пункт, куда Огарев думал направить нападающих, был Иркутск, где находился великий князь. План изменника нам уже известен, как он был известен и императору, которого это и побудило дать Строгову такое ответственное поручение. Когда молодой фельдъегерь бросился в воду и почувствовал, что его ударили копьём, он был ошеломлен, но скоро пришел в себя и, благодаря умению плавать, достиг берега. Но едва он вышел из воды, как силы ему изменили, и он упал на землю без чувств. Когда он пришел в себя, то увидел, что лежит в избе, и разглядел наклоненное к нему лицо крестьянина, который его приютил. Строгов хотел обратиться к нему с расспросами, но тот остановил его, говоря:

– Не разговаривайте, барин, вам это вредно. Я сам вам расскажу все, что случилось и как вы сюда попали.

Оказалось, что крестьянин жил поблизости от того места, где происходила переправа, что он был свидетелем нападения бухарцев на наших путешественников и спас раненого фельдъегеря, перенеся его в свою избу. Строгов первым делом ощупал царское письмо, которое было спрятано у него на груди. Оно было цело.

«Слава Богу, не все еще потеряно», – подумал он. Но в ту же минуту другая, ужасная мысль пришла ему в голову.

– Боже мой! – воскликнул он с отчаянием. – Ведь я был не один, куда же девалась моя сестра?!

– Успокойтесь, батюшка, – отвечал крестьянин, – они барышню не убили, а только увезли ее в своей лодке вниз по Иртышу. Может быть, вам еще удастся ее найти.

Строгов был так взволнован этим известием, что несколько минут не мог говорить. Успокоившись немного, он спросил:

– Далеко ли отсюда до Омска?

– Всего пять верст, – отвечал крестьянин. – Отдохните, барин, а когда поправитесь, то поедете дальше. Хорошо еще, что разбойники вас не убили и деньги ваши целы, а рана от удара копьем скоро заживет.

– Скажи, голубчик, – продолжал фельдъегерь, – давно ли у тебя нахожусь?

– Да третий день, батюшка.

– Боже мой, – вскричал молодой человек, – три дня потеряны! Нет ли у тебя лошади и телеги? – обратился он к крестьянину.

– Нет, батюшка, ничего не осталось, дотла ограбили окаянные татары. Да неужели вы хотите ехать? Разве это вам под силу!

– Все равно, – сказал Строгов решительно, – я ни минуты не могу медлить.

– Ну коли так, то пойдемте пешком, я вас провожу до Омска, – сказал крестьянин.

– Спасибо тебе, голубчик, за все, что ты для меня сделал, – проговорил фельдъегерь.

Едва успели они пройти несколько шагов, как молодой человек почувствовал, что слишком понадеялся на свои силы: голова его кружилась и незажившая еще рана причиняла ему сильные страдания. Несмотря на это, он решил во что бы то ни стало продолжать путь, чтобы скорее достичь Иркутска, где его тяжелая миссия будет окончена. Скоро он добрался вместе со своим провожатым до торговой части Омска, где теперь распоряжались бухарские войска. Город был на военном положении; везде видны были отряды татар, а плавные их силы расположились биваком на площади, готовые двинуться дальше по первому приказанию. Только высокая часть города, лучше укрепленная, чем торговый квартал, не была еще взята мятежниками. Избегая людных улиц, Строгов и его спутник направились к смотрителю почтовой станции, у которого, по словам мужика, можно было достать лошадей и экипаж. В одной узкой улице наши путешественники едва успели отскочить в сторону и спрятаться за выступом стены, как мимо них проскакал отряд бухарских воинов. Во главе их ехал офицер в русском мундире. Это был Огарев. Взглянув на этого человека, Строгов побледнел от гнева: он узнал того самого путешественника, который ударил его в Ишиме. В то же время черты изменника напоминали ему старого цыгана, с которым он встретился на Нижегородской ярмарке, и тут ему стало ясно, что это один и тот же человек. Очевидно, он сначала присоединился к табору, одетый цыганом, а затем, сбросив этот костюм, достиг Омска, где распоряжался теперь как победитель.

«Прежде всего, – думал фельдъегерь, – надо быть осторожным и избегать встречи с этим негодяем. Теперь, зная его в лицо, я сумею ему отомстить, когда настанет время».

У смотрителя нашему герою удалось достать хорошую выносливую лошадь, так как он намеревался продолжать путь верхом, будучи теперь один. Покинуть город можно было не иначе, как поздно ночью, чтобы не обратить на себя внимание караульных, и потому Строгов

решил подождать на почтовой станции. Он занял место за столиком и приказал подать себе поужинать. В комнате было довольно много народу, так как перепуганные жители спешили сюда узнавать новости. Фельдъегерь не обращал никакого внимания на окружающих, как вдруг он услышал голос, который заставил его вздрогнуть всем телом.

– Сын мой! – произнес этот голос, и он увидел в двух шагах от себя свою мать, которая протягивала к нему руки.

Первым побуждением молодого человека было броситься к ней на шею, но он тотчас вспомнил обещание, данное им государю, избегать свидания с матерью, чтобы не выдать себя, так как в городе все знали, что сын старухи Строговой служит в фельдъегерском корпусе. Он призвал на помощь все свое самообладание и остался спокойно сидеть на месте.

– Миша! – продолжала мать, бросаясь к нему.

– Кто вы, сударыня? – проговорил Строгов едва внятно.

– Как, ты спрашиваешь, кто я? Дитя мое, ты не узнаешь свою мать?

– Вы ошибаетесь, принимая меня за другого, – холодно отвечал фельдъегерь.

– Миша, сын мой, неужели ты отрекаешься от меня! – воскликнула вне себя несчастная женщина.

Еще минута, и Строгов не выдержал бы: он опустил глаза, чтобы не видеть дорогого лица матери, и с трудом проговорил.

– Сударыня, я не понимаю, что вам угодно. Я не сын ваш и меня зовут не Михайлом. Я иркутский купец Николай Корпанов.

Тут голос его пресекался, он поспешно встал и вышел из комнаты.

– Сын мой, сын мой! – с отчаянием закричала старуха и почти без чувств упала на скамью.

Вдруг ее осенила неожиданная мысль, и ей стало понятно все: допустить, чтобы сын ее отверг, она не могла, ошибиться, приняв другого за него, было также немислимо; оставалось одно: если он от нее отрекся, значит, он имел на то уважительные причины. Около нее собрались любопытные, к ней стали обращаться с расспросами; старуха встала и произнесла с достоинством:

– Это действительно не мой сын, я и сама не понимаю, как я могла так ошибиться.

Она направилась уже к дверям, когда вошедший Огарев загородил ей дорогу.

– Вы Марфа Строгова? – спросил он.

– Да, – отвечала старуха.

Он сделал ей знак следовать за ним, и она спокойно повиновалась. Клевреты изменника успели уже сообщить ему о той сцене, которая только что разыгралась на почтовой станции, и он, заподозрив истину, приступил к допросу старухи.

– У вас есть сын, который служит фельдъегерем? – был первый вопрос.

– Да, – отвечала она.

– Где он?

– В Москве.

– Давно вы имели от него известия?

– Месяца два тому назад.

– А кто же, – продолжал Огарев, – тот молодой человек, которого вы назвали своим сыном?

– Я его не знаю, – отвечала Марфа Строгова спокойно. – С тех пор как город наполнен приезжими, мне всюду мерещится мой сын. Я уже раз десять ошибалась таким образом.

– Хорошо, – сказал Огарев, – но помните, если я захочу, то заставлю вас сознаться.

– Я сказала правду, и никто в мире не принудит меня отказаться от моих слов, – твердо проговорила старуха. – Разве можно отречься от такого сына, каким всегда был мой?

Огарев посмотрел на нее исподлобья. Он понял теперь, что мнимый Корпанов не кто иной, как сын Марфы Строговой; если молодой человек не признал свою мать и она, в свою

очередь, поддерживала его ложь, у них, очевидно, были на это свои причины, которые Огареву не мешало знать. Он велел отправить старуху в Томск, а за тем, кого она приняла за сына, снарядить немедленную погоню.

Глава XV. Барабинские болота

К счастью для Строгова, ему удалось выбраться из Омска прежде, чем приказание задержать его было передано караульным. Несчастливая случайность, благодаря которой наш герой встретился с матерью на глазах посторонних свидетелей, открыла его тайну, и теперь он не сомневался, что за ним будет тотчас послана погоня.

Утром 30 июля он проехал станцию Трумово.

Путешественник наш не мог здесь узнать ничего нового, скорее к нему обратились бы с расспросами, если бы настоящее его звание было обнаружено. Но вынесенные им неудачи побудили молодого человека стать еще осторожнее. Чтобы не попадаться никому на глаза, он провел целые сутки, запершись в своем номере. Совершенно измученный, он лег в постель, но сон его был тревожным. То представлялась ему старуха мать, то бедная Надя, и мысль о том, что обе они остались без покровителя, не давала ему покоя. Трудное поручение, которое было возложено на него, также немало тревожило Строгова. Он находил свое путешествие невыносимо длинным и был бы рад перелететь то пространство, которое еще отделяло его от Иркутска, чтобы поскорее вручить великому князю царское письмо. В Каинске фельдъегерь мог достать экипаж, но по зрелом размышлении отказался от этого намерения, боясь такой покупкой обратить на себя внимание. Кроме того, путешествие по болотам было и без того трудное, а тарангас мог оказаться лишней помехой. К своему коню он так привык, что решил не обменивать его на другого; уделяя ему несколько часов для отдыха, ездок мог надеяться на то, что перегонит войско мятежников. На другое утро Строгов продолжал путь по болотистой местности, которая местами почти непроходима, так как представляет непрерывную сеть прудов и озер; одно из таких озер, по имени Чанг, даже занесено на географические карты. Последняя ночевка в селе Икульском – и Барабинская степь осталась позади. Но тут возникла новая опасность: по берегам Оби бродили многочисленные отряды бухарцев, которым наш курьер мог попасться в руки, если он будет следовать прямой дорогой на Иркутск. Если бы он решил ехать окольным путем, степью, то здесь ему не от кого было ожидать помощи. Деревни встречались все реже и реже, а жители тех убогих хижин, какие попадались на пути, сами с трудом добывали себе пропитание. Настало 5 августа. Со дня выезда нашего героя из Москвы прошло три недели, а между тем целые полторы тысячи верст отделяли его от Иркутска.

Глава XVI. Последнее усилие

Едва Строгов выехал из Барабинской степи, как ему пришлось убедиться, что опасения его не были напрасны. Вытопанные поля, сожженные села и деревни служили ясным доказательством того, что бухарцы побывали здесь. Молодой фельдъегерь очень желал бы знать, кто произвел это опустошение: передовые ли отряды или самая армия эмира и находится ли Феофар-Хан в пределах Енисейской губернии. Но разъяснить его сомнения было некому: на протяжении первых двух верст местность была безлюдна. Наконец невдалеке от одной горячей избы он увидал старика, окруженного плачущими детьми; рядом с ним молодая женщина, очевидно мать этих детей, с отчаянием смотрела на свое объятые пламенем жилище. Строгов приблизился к старику.

- Скажи, голубчик, – спросил он, – прошли уж здесь татары?
- Прошли, прошли, батюшка, – отвечал старик, – вот видишь, сожгли нашу избенку.
- Много ли их было?

- Еще бы не много. Погляди-ка дальше, все поля потоптали, разбойники...
- А кто их вел?
- Да, видно, набольший ихний, прозвание-то, вишь, у него такое мудреное.
- Значит, – продолжал свои расспросы фельдъегерь, – эмир теперь в Томске. А не знаешь ли ты, взяли они Колывань или нет?
- Не слышать, батюшка, там, кажись, еще спокойно.
- Не могу ли я тебе помочь? – спросил молодой человек.
- Эх, родимый, чем тут поможешь, когда мы остались без кола, без двора! – с отчаянием проговорил крестьянин.

Строгов положил двадцатипятирублевую бумажку на колени молодой женщины и, не дав ей времени поблагодарить его, пришпорил коня и помчался вперед. Разговор со стариком убедил его, что ехать на Томск опасно. Приходилось держать путь на Колывань, сделать там остановку, а потом свернуть с прямой дороги и искать переправы через Обь. До Оби оставалось сорок верст, и Строгов раздумывал над тем, как он переберется на другой берег; если бухарцы уже сожгли все лодки и паромы на реке, надо будет переправляться вплавь. Конь его выбивался из сил; в Колывани надо было во что бы то ни стало обменять его, так как путешествие по местности, где рыскали полчища мятежников, требовало прежде всего быстрой езды. Наступила ночь, довольно темная, как всегда в это время года. Теплый летний ветер совершенно затих, и стук копыт гулко раздавался в ночной тишине. Ехать надо было очень осторожно, так как по обеим сторонам дороги беспрестанно попадались поросшие тростником бочаги, из которых берут начало мелкие притоки Оби. Строгов время от времени останавливался и пристально осматривался кругом, чтобы не сбиться с пути. Вдруг ему почудился вдалеке конский топот. Он сошел с коня и припал ухом к земле – не оставалось никакого сомнения: верстах в двух позади него по той же дороге ехал отряд всадников. Стук копыт становился все явственнее, очевидно, приближались.

«Кто это? – подумал Строгов. – Если свои, то я присоединюсь к ним, но если это бухарцы, надо спешить скрыться, пока они еще не настигли меня».

Спрятаться было нелегко, потому что кругом расстилалась степь.

Наконец зоркие глаза молодого человека различили шагах в ста влево от дороги какую-то темную массу, оказавшуюся на его счастье небольшой рощицей. Он углубился в нее, ведя лошадь под уздцы, но, пройдя шагов сорок, увидел перед собой маленький пруд, который полукругом ограждал с этой стороны рощу. Строгов привязал коня к дереву, а сам спрятался в кустах на опушке рощи.

Вскоре вдали показался слабый свет, и фельдъегерь различил колеблющиеся огни, которые оказались факелами. Отряд, в котором было человек пятьдесят всадников, быстро приближался и, подъехав к роще, где скрылся наш герой, спешился. Вскоре он убедился, что всадники не собираются обыскивать рощу, а только сделали в этом месте привал, чтобы дать отдохнуть лошадям и подкрепиться пищей. Действительно, они пустили расседланных коней пастись по лугу, а сами легли на опушке рощи и стали вынимать запасы из своих походных мешков.

Это был бухарский конный отряд. Одежда воинов состояла из кафтанов, опоясанных ремнем, сапог желтой кожи, с загнутыми сверху носками и высоких бараньих шапок. Каждый из них был вооружен кривой саблей, кинжалом и ружьем, привязанным к луке седла. Их кони, татарской породы, были невелики, но чрезвычайно выносливы и лихи на ходу. Отрядом предводительствовали два начальника: пенджа-баши, имевший под своею командою пятьдесят всадников, и подчиненный ему дег-баши, которому было вверено начальство над десятью солдатами. Они отличались от прочих воинов более богатым вооружением и привязанною к луке небольшой трубою.

Строгов, сам оставаясь незамеченным, внимательно прислушивался к разговору, который велся на татарском наречии между обоими начальниками. Вскоре он понял, что речь шла о нем.

– Едва ли этот курьер мог опередить нас, – сказал пенджа-баши. – Другой дороги, как через Барабинскую степь, у него не было.

– Кто знает, выехал ли он из Омска, – заметил дег-баши.

– Хорошо, если бы так. Тогда полковнику Огареву нечего бояться, что депеши, которые везет этот курьер, дойдут по назначению.

– Говорят, что он сибирский уроженец, – продолжал дег-баши, – и хорошо знаком с местностью. В таком случае немудрено, если он сначала нарочно свернул с иркутской дороги, чтобы потом снова попасть на нее.

– В таком случае он от нас отстал, – сказал старый военачальник. – Мы выехали из Омска спустя час после него, а за нашими лошадьми ему не угнаться, так что в Иркутск он никаким образом не попадет.

– А какова старая сибирячка, мать этого курьера! – заметил дег-баши. – Она уперлась на том, что мнимый купец не сын ее; ну да, впрочем, полковника Огарева не проведешь, и если он захочет, то заставит старую ведьму сознаться.

Слушая этот разговор, злополучный Строгов чувствовал, как кровь застывает в его жилах. Все было потеряно: его узнали, за ним послана погоня и, что всего ужаснее, его мать находится во власти Огарева, ей грозит пытка и, быть может, смерть. Строгов знал, что мужественная старуха ни за что не отступится от своих слов, и ненависть, которую он еще раньше питал к злодею, изменившему своей родине, стала еще сильнее при мысли, что он безнаказанно угрожает его матери.

Из дальнейшего разговора бухарских предводителей наш герой узнал, что небольшой русский отряд, посланный к Томску, должен был в окрестностях Колывани встретиться с многочисленной армией Феофар-Хана. Без сомнения, мятежники одержат победу, и тогда дорога в Иркутск будет открыта для них. Что касается самого Строгова, то его голова была оценена, и, мертвый или живой, он должен был попасть в руки неприятеля. Услышав все это, фельдъегерь решил продолжать немедленно свой путь, чтобы перегнать бухарцев. Нельзя было терять ни минуты.

Заметив среди бухарского отряда некоторое движение, которое можно было принять за сборы в дальнейший путь, Строгов подполз к своему коню, потихоньку надел ему седло, укрепил стремяна и повел его под уздцы вдоль опушки роци. Умное животное как будто понимало, чего от него требуют: оно покорно следовало за своим хозяином, ни ржанием, ни стуком копыт не обнаруживая своего присутствия. Во избежание шума Строгов решил пройти шагов двести и только тогда сесть верхом. В руке он держал заряженный револьвер, приготовившись размозжить голову первому, кто осмелится к нему подойти. Он уже достиг благополучно опушки, как вдруг один из татарских коней почуял его и заржал. Хозяин лошади бросился к ней и, увидев какую-то фигуру, которая при его появлении вскочила в седло, крикнул:

– Эй, сюда!

В стане поднялась тревога: всадники бросились к своим коням, готовые скакать в погоню. Строгов опустил поводья и помчался по направлению к реке. Он рассчитывал ускакать вперед, пока бухарцы будут седлать своих лошадей. Но уже минут через десять услышал за собой постепенно приближающийся топот нескольких всадников. Над самым его ухом просвистела пуля, и, обернувшись, он увидел, что дег-баши, конь которого опередил остальных, уже настигает его. Не останавливаясь, Строгов спустил курок, и бухарец, пораженный прямо в грудь, свалился на землю, как сноп. Остальные преследователи продолжали погоню, не обращая внимания на убитого начальника, и беглец скоро почувствовал, что расстояние, отделявшее его от

них, все уменьшается, так как его конь выбился из сил. Каждую минуту можно было опасаться, что измученное животное упадет и не встанет больше.

К этому времени уже совершенно рассвело, и верстах в двух впереди себя Строгов ясно различил на горизонте светлую линию, вдоль которой изредка виднелись деревья. То была Обь. При виде этой реки, достичь которой было его целью, Строгов почувствовал в себе новые силы и продолжал прищипывать коня, несмотря на пули, которыми его осыпали бухарцы. Ему самому пришлось несколько раз выстрелить, и притом так удачно, что число преследователей заметно уменьшилось. В ту минуту, как он достиг берега, отряд был от него не более, как на расстоянии пятидесяти шагов. На реке не видно было ни паррома, ни лодки. Ничего не оставалось, как переплываться вплавь, и фельдъегерь смело бросился в воду вместе с конем. Течение было чрезвычайно быстрое, и река в этом месте достигала полуверсты в ширину. Бухарцы остановились на берегу, и пенджа-баши, схватив ружье, стал целиться. Раздался выстрел, и пуля попала прямо в бок коню Строгова. Чувствуя, что животное начинает под ним погрузаться, наш герой поспешно высвободил ноги из стремян и продолжал плыть один, несколько раз ныряя под градом пуль. Наконец он достиг правого берега Оби и скрылся в густых камышах.

Глава XVII. Цитаты и куплеты

Верстах в двух от него на берегу Оби виднелся небольшой, но живописно расположенный городок. Кресты на куполах церквей ярко блестели в лучах восходящего солнца. Этот город был Кольвань, который, благодаря своему здоровому климату, служит в летнее время любимым местопребыванием высших должностных лиц Каинска и других окрестных городов. По тем известиям, какие имел Строгов, Кольвань еще не была занята мятежниками, следовательно, он мог спокойно идти туда. Самый город и окрестности его, казалось, вымерли, так как большая часть жителей бежала на север, в Енисейскую губернию. Строгов быстро направился к городу, как вдруг до его слуха донеслись пушечные выстрелы. Очевидно, недалеко происходило сражение между русскими и бухарскими войсками. Скоро выстрелы сделались слышнее, и на горизонте показались облачка дыма. По-видимому, выстрелы приближались к городу с северной его стороны. Строгов не знал, нападают ли бухарцы на Кольвань, или русский отряд пытается снова отбить город у мятежников. Он ускорил шаги, как вдруг заметил столб дыма над самым городом. Вслед за этим показалось пламя и, быстро раздуваемое ветром, охватило колокольню одной из церквей. Это печальное зрелище убедило фельдъегера, что сражение происходит в самом городе. Он остановился в нерешительности. Как идти туда? Кто знает: удастся ли ему выбраться из Кольвани так же благополучно, как из Омска? Соображив все это, молодой человек решил, что благоразумнее будет искать какого-нибудь другого городка, где он может найти себе лошадь. Он свернул вправо и поспешно направился к роше, которая виднелась вдали и где можно было скрыться в случае появления неприятеля.

Между тем пламя распространялось по городу с невероятной быстротой и вскоре охватило целый квартал. Вдруг в том направлении, куда шел Строгов, показался конный бухарский отряд. Он двигался наперерез нашему герою, который начал уже отчаиваться в своем спасении, когда неожиданно увидел в стороне от дороги одиноко стоящий домик. Он бросился туда в надежде скрыться и, если можно, отдохнуть и подкрепить свои силы, истощенные голодом и усталостью. Домик оказался телеграфной конторой. Отворив дверь, Строгов, к своему крайнему изумлению, увидел чиновника, который стоял у аппарата с самым невозмутимым видом.

- Скажите, – обратился к нему наш герой, – ведь в Кольвани происходит сражение?
- Должно быть, – равнодушно отвечал тот.
- Кто же победил?
- Не знаю, – был ответ.

На вопрос Строгова, действует ли еще телеграф, чиновник отвечал, что депеши можно посылать до границы Европейской России по гривеннику за слово, и, сообщив это, принял выжидательную позу.

Строгов собирался ответить невозмутимому телеграфисту, что не нуждается в его услугах, как вдруг дверь с шумом распахнулась, и на пороге показались два посетителя, которых наш герой тотчас узнал. Это были корреспонденты-соперники, Альсид Жоливе и Гарри Блаунт. Они выехали из Ишима несколькими часами позже Строгова, но прибыли в Кольвань раньше него, благодаря тому, что нашего героя задержала трехдневная остановка после несчастной переправы через Иртыш.

Покинув Кольвань в то самое время, когда сражение завязывалось уже на улицах города, оба журналиста поспешили в телеграфную контору, чтобы сообщить своим газетам самые свежие новости.

Строгов, которому встреча с ними была неприятна, отошел в сторону.

У обоих корреспондентов было в руках по клочку бумаги с написанным карандашом текстом телеграммы, но англичанин успел опередить своего коллегу и занять место у конторки. Он вынул из кармана целую пачку кредитных билетов и положил на виду.

Телеграфист застучал на своем аппарате, читая вслух депешу:

– «Лондон, редакция “Ежедневного Телеграфа”. Шестого августа, из Кольвани. Между русскими и бухарцами произошло сражение. Русские войска разбиты. Бухарцы овладели Кольванью».

Жоливе хотел оттолкнуть своего соперника, чтобы, в свою очередь, отправить телеграмму вымышленной кузине, но англичанин и не подумал уступить ему места: он намеревался передавать события по мере того, как они происходят.

– Но позвольте, ведь ваша телеграмма окончена, – попробовал протестовать француз.

– Нет еще, – спокойно возразил Блаунт.

Он написал еще несколько слов и протянул записку телеграфисту.

Тот прочел вслух:

– «Вначале Бог сотворил небо и землю».

Англичанин придумал телеграфировать начальный стих книги «Бытия», чтобы выгадать время, не покидая своей позиции.

«Что за важность для нашей редакции переплатить сотню-другую, – думал он, – зато она прежде всех узнает последние новости, а французы могут и подождать».

Легко представить себе негодование Жоливе, когда он понял хитрую уловку соперника. Он решил насильно передать телеграфисту свою депешу, но тот остановил его словами:

– Потрудитесь подождать очереди.

Пока его телеграмма передавалась по назначению, Блаунт подошел к окну, наблюдая за пожаром, который все увеличивался. Затем он вернулся к столу и просил телеграфировать следующее:

«Пожар угрожает всей правой части города. Две церкви горят. Земля была неустроена, а Дух Божий носился над водою».

Жоливе снова попытался привлечь внимание телеграфиста, но тот возразил прежним спокойным тоном:

– Подождите, черед еще не за вами.

«Жители бегут, – продолжал англичанин. – Господь сказал: да будет свет, и явился свет».

Бешенство Жоливе не поддается описанию. На этот раз, однако, он был счастливее. Коллега его слишком долго оставался у окна, выжидая новостей. Ловкий француз потихоньку занял его место и передал свою телеграмму, которая была составлена в следующих выражениях:

«Париж. Монмартр. Мадлене Жоливе. 6-го августа, из Колывани. Русские потерпели поражение и бегут. Бухарская конница преследует их».

Гарри Блаунт обернулся, услышав, как Альсид Жоливе завершает свою телеграмму, весело напевая:

Как яблочко, румян,
Одет весьма беспечно,
Не то чтоб очень пьян –
А весел бесконечно¹.

– Ого! – только и сказал англичанин.

– Именно так, – кивнул француз.

Между тем пальба становилась все чаще и сильнее. Неожиданно все здание дрогнуло. Окно было разбито вдребезги, и большое ядро упало посреди комнаты. Жоливе подскочил к нему быстрее молнии, схватил ядро и выбросил его наружу. Затем, вернувшись к конторке телеграфиста, он продолжал спокойно диктовать.

Перестрелка раздавалась уже совсем вблизи, несколько пуль просвистели в воздухе, и одна из них попала в плечо английскому корреспонденту. Он упал. Жоливе, нимало не смущаясь, хотел уже прибавить в своей телеграмме: «*Гарри Блаунт, корреспондент “Ежедневного Телеграфа”, получил рану в плечо*», когда телеграфист все так же флегматично произнес:

– Проволока оборвана, – и, встав со своего места, неторопливо вышел через боковую дверь.

Минуту спустя бухарцы уже ворвались в телеграфную контору. Жоливе взвалил раненого коллегу на плечи и хотел бежать, но было поздно: оба корреспондента, а с ними вместе и Строгов, попали в плен.

---

¹ Стихи Беранже. Перевод В. Курочкина.

Часть вторая

Глава I. Лагерь Феофар-Хана

На расстоянии суток ходьбы от Колывани, в нескольких верстах от местечка Дьячинска, тянется широкая, поросшая высокими елями и кедрами долина. Летом в жаркую пору эта часть степи служила обыкновенно пристанищем для кочующих сибирских народов. Здесь паслись и кормились их многочисленные стада. Но теперь вы не нашли бы там ни одного из этих мирных кочевников. И, однако, степь не была пустынна. Напротив, там царило необычайное оживление, там пестрели бесчисленные бухарские палатки, там раскинулся лагерь Феофар-Хан, жестокий эмир бухарский, и, наконец, куда на следующий день, 7 августа, должны были быть приведены несчастные, захваченные в плен при Колывани, после победы бухарцев над маленьким русским отрядом. Из этих двух тысяч людей, стиснутых между неприятельских колонн, опиравшихся одновременно и на Омск, и на Томск, осталось всего только несколько сотен человек! События принимали дурной оборот. Конечно, подобное положение дел не могло продолжаться. Рано или поздно русские должны были прогнать эти дикие орды жестоких завоевателей, пока же приходилось мириться с горькой действительностью. Бухарцы достигли уже средней Сибири, и набеги их грозили распространиться еще далее; не было известно только, какие губернии, западные или восточные, первыми подвергнутся их кровожадным разбоям. Иркутск был со всех сторон отрезан от Европы. Если войска с Амура и Якутской области не подоспеют к нему вовремя, то эта столица Азиатской России, предоставленная своим собственным слабым силам, должна была неминуемо достаться в руки бухарцам, и, прежде чем она получила бы свою свободу, великий князь, брат государя, сделался бы жертвой мщения Ивана Огарева.

Что же случилось с Михаилом Строговым? Смирился ли он наконец под тяжестью обрушившихся на него несчастий? Считал ли он свое дело проигранным, возложенное на него поручение – неисполнимым?

Итак, он был жив, даже не ранен, царское письмо было при нем, его инкогнито никто не нарушил. Правда, он находился в числе военнопленных, принужденный разделять с ними их печальную участь. Но ведь, приближаясь к Томску, он в то же время приближался и к Иркутску. В конце концов, он все-таки шел впереди Ивана Огарева.

«О, я дойду!» – мысленно и неоднократно повторял он сам себе. После дела при Колывани вся жизнь его сосредоточивалась теперь только на этой мысли – стать снова свободным! Но как убежать от свирепых солдат эмира? Придет время – он увидит.

Лагерь Феофара представлял собой действительно великолепное по своей живописности зрелище. Тысячи палаток из звериных шкур, войлока и ярких шелковых материй сверкали на солнце всеми цветами радуги. Громадные кисти, украшавшие их конические вершины, как султаны, качались среди разноцветных значков, знамен и штандартов.

Обстановка, окружавшая Феофара в данную минуту, носила на себе характер исключительно военный, походный. Частная же его квартира, гарем, его собственный и его приближенных, находились в Томске, бывшем в то время также в руках у татар.

Томску предстояло оставаться резиденцией эмира вплоть до той минуты, когда его должна была сменить столица Восточной Сибири.

Палатка Феофара своей роскошью выделялась среди всех окружавших ее. Она стояла по самой середине широкой лужайки, окаймленной чудными раскидистыми березами и темными, гигантскими елями. Блестящая шелковая материя, живописно подобранная при входе шелковыми шнурами с золотой бахромой и золотыми же кистями, падала на землю тяжелыми,

красивыми складками. Перед ханским шатром стоял стол лакированного дерева, украшенный инкрустацией из драгоценных камней. На столе лежала раскрытая священная книга Коран, страницы которой были сделаны из тонких золотых листов с искусно выгравированным на них текстом. Над шатром развевалось бухарское знамя, разделенное на четыре поля оружием эмира.

Когда пленных привели в лагерь, эмир сидел у себя в палатке. Он не показывался, и, разумеется, это было большое счастье для них. Один жест, одно слово его послужило бы только сигналом к какому-нибудь злодейству. Он вообще редко показывался народу. В этом заключалось отчасти могущество восточных королей: эта таинственность, окружавшая их личность, эта недостижимость заставляли простой народ преклоняться перед ними и в то же время бояться их. Что же касается до пленных, то их, как простую скотину, загнали в особое загороженное со всех сторон место и заперли там. Жестокое обращение солдат, дурная, недостаточная пища, порою холод, ветер, дождь и всякое ненастье, ничем не оправданный, самый грубый и жестокий произвол со стороны Феофара – вот что досталось им в удел. Самый кроткий, самый терпеливый из них был, конечно, Михаил Строгов. Он позволял вести себя потому, что его вели туда, куда он хотел и при этом он пользовался такой безопасностью, какой, будучи свободным, по этой дороге, от Кольвани до Томска, он ни за что не нашел бы.

Бежать теперь, не доходя до Томска, – это значило подвергать себя новой опасности, это значило рисковать попасть в плен к татарским разведчикам, разъезжающим по степи. Михаил рассуждал иначе. Самая восточная линия, занятая в то время колоннами бухарских войск, находилась как раз за 82-м меридианом, проходящим через Томск. Таким образом, стоило только перейти этот меридиан, и он мог считать себя в полной безопасности относительно неприятелей, мог надеяться беспрепятственно перейти через Енисей и достигнуть Красноярска прежде, чем туда явится Феофар-Хан.

«Раз я буду в Томске, – повторял он мысленно, чуть ли не в сотый раз, чтобы хоть как-нибудь умерить свое нетерпение, с которым иногда не в силах был совладать, – раз я буду в Томске, то через несколько минут я могу быть за неприятельской границей; опередив же Феофара и Ивана Огарева на сутки, я приду, разумеется, раньше их в Иркутск!»

Чего главным образом опасался Михаил Строгов и что в действительности так и случилось, так это присутствие Ивана Огарева в татарском лагере. Кроме опасности быть узнанным, Михаил чувствовал почти инстинктивно, что ему следовало опередить этого негодяя. Он понимал, что если войска Ивана Огарева соединятся с войсками Феофара, то составит страшная по своей силе и многочисленности армия, и, что, соединившись, эта армия всей своей массой двинется на восточную столицу Сибири. Вот почему все его опасения сосредоточивались главным образом на этом пункте, и он ежеминутно прислушивался, не раздадутся ли вдруг трубные звуки, возвещающие прибытие адъютанта эмира.

При имени Ивана Огарева ему вспомнилась мать, Надя... Одну задержали в Омске, другую схватили и увезли на барке вниз по Иртышу и, разумеется, взяли в плен, как и Марфу Строгову! Увы, – он ничего не мог сделать для них! Увидит ли он их когда-нибудь? Что мог он ответить на это? И сердце болезненно сжималось в нем.

Вместе с Михаилом Строговым в число пленных, приведенных в неприятельский стан, попали Гарри Блаунт и Альсид Жоливе. Их бывший товарищ по путешествию, захваченный вместе с ними на телеграфной станции, знал, что почтенные корреспонденты, наравне с прочими пленными, сидят взаперти за оградой, но он всячески избегал встречи с ними. Ему было решительно все равно, по крайней мере, в данную минуту, дурно ли, хорошо ли думают о нем эти люди после той сцены, свидетелями которой они были в Ишиме. Он хотел сохранить свою самостоятельность, чтобы в случае надобности действовать самому, и потому держался в стороне.

С той минуты как Гарри Блаунт упал раненный, Альсид Жоливе не переставал заботиться о нем. Во время мучительного перехода из Колывани в татарский лагерь, в продолжение многих часов ходьбы, Гарри Блаунт шел, опираясь на руку своего бывшего соперника, и, только благодаря ему, мог кое-как следовать за обозом. Альсид Жоливе, которого никогда не покидала его практическая философия, всеми способами старался подкрепить больного и физически и морально. Первой заботой его, как только они прибыли в лагерь, было посмотреть рану Гарри Блаунта. Он очень ловко снял с него верхнее платье и сразу увидел, что рана не была опасна – плечо было немного поцарапано картечью, и только.

– Пустыки, – сказал он, – простая царапина! Две-три перевязки, мой милый друг, и она не будет даже заметна!

– Но эти перевязки?.. – спросил Блаунт.

– Я сам вам их сделаю.

– Но разве вы доктор?

– Все французы немножко доктора, – смеясь, отвечал Жоливе и, как бы в подтверждение своих слов, вынул носовой платок, разорвал его, из одного куска нащипал корпии, из другого наделал тампонов, принес воды из колодца и, осторожно обмыв рану, с большим искусством перевязал ее.

– Я вам очень благодарен, Жоливе, – отвечал Гарри, растягиваясь под тенью раскидистой березы, на приготовленном ему французом ложе из сухих листьев.

– Э, что за благодарности! Вы на моем месте поступили бы так же!

– Я этого не знаю... – немного наивно отвечал тот.

– Ну полноте дурачиться! Все англичане великодушны.

– Разумеется, ну, а французы?

– Что французы? Французы просто-напросто добры, даже глупо добры, если хотите! Но что их подкупает, так это то, что они французы! Впрочем, оставим этот разговор, да и вообще, если вы мне верите, перестанем совсем разговаривать. Вам необходимо теперь отдохнуть.

Но Гарри Блаунт вовсе не желал молчать.

– Жоливе, – начал он, – как вы думаете, наши последние депеши перешли за русскую границу или нет?

– А почему же нет? – отвечал тот. – Уверяю вас, моя прелестная кузина в настоящую минуту прекрасно знает обо всем, что произошло в Колывани!

– А в скольких экземплярах ваша кузина печатает эти депеши? – спросил он, в первый раз ставя этот вопрос так открыто.

– Знаете что! – смеясь, отвечал Жоливе. – Моя кузина особа очень скромная, она не любит, когда о ней говорят, и если бы она узнала, что из-за нее вы не спите, то была бы в отчаянии.

– Но я не хочу спать, – отвечал англичанин. – Что думает ваша кузина относительно дел в России?

– Что дела эти в данную минуту очень плохи, понятно. Но, конечно, московское правительство могущественно, вторжение бухарцев их не должно очень тревожить. Сибирь от них не уйдет.

– Излишняя самонадеянность погубила многие великие державы! – отвечал Гарри Блаунт.

Он, как и все англичане, был заражен «английской» завистью к русским, когда вопрос касался о правах России в Центральной Азии.

– О, бросим политику! – воскликнул француз. – Она положительно запрещена на медицинском факультете. Ничего не может быть хуже политики для ран на плече, если только она не действует на вас усыпляюще!

– Тогда поговорим о том, что нам делать, Жоливе! Я говорю серьезно, я вовсе не намерен оставаться в вечном плену у татар!

– Я также, черт возьми!..

– Значит, при первой возможности мы бежим?

– Да, если мы не найдем какого-либо другого способа для получения нашей свободы.

– А разве вы знаете другой способ? – пристально глядя на своего собеседника, спросил Гарри Блаунт.

– Конечно! Ведь мы не принадлежим к воюющим народам, мы люди нейтралитета. Нам стоит только объявить, кто мы, и мы свободны.

– Кому объявить? Этому скоту Феофару?

– Нет, он ничего не поймет. Мы скажем его адъютанту Ивану Огареву.

– Но ведь это мерзавец!

– Разумеется, но этот мерзавец – русский. Он знает, что шутить с правами свободных людей не следует. И какой ему интерес нас задерживать? Напротив. Только обращаться с просьбою к этому господину мне не очень-то хочется.

– Но этого господина нет в лагере, я, по крайней мере, его не видел, – заметил Блаунт.

– Он явится. За этим дело не станет. Ему необходимо догнать эмира. Сибирь разделена теперь на две части, и, очевидно, Феофар поджидает только его, чтобы двинуться в Иркутск.

– А что мы станем делать, когда получим свободу?

– Получив свободу, мы станем продолжать наше путешествие, мы пойдем вслед за татарами и будем идти так до тех пор, пока обстоятельства позволят нам перейти в другой лагерь. Бросать наше предприятие не годится. Мы ведь только что начали его. Вам посчастливилось уже получить рану на службе «Ежедневного Телеграфа», тогда как я на службе у моей кузины еще ничего не получил. Ба... – пробормотал Альсид Жоливе, – он, кажется, засыпает! Несколько часов сна, нескольких компрессов из свежей воды вполне достаточно, чтобы поставить на ноги больного англичанина. Эти люди сотворены из железа!

В то время как Гарри Блаунт отдыхал, Альсид Жоливе сидел около него и делал заметки в своей записной книжке. Несчастья сблизили их, и они сделались друзьями. Писательская ревность исчезла сама собой. Итак, то, чего главным образом страшился Михаил Строгов, было предметом самых пламенных желаний обоих журналистов. Действительно, приезд Ивана Огарева мог оказать им существенную пользу. Раз узнается, что они иностранные подданные, то весьма возможно, что их выпустят на свободу. Адъютант эмира сумеет доказать ему, что с господами журналистами нельзя обращаться так же, как с простыми шпионами. Интересы Альсида Жоливе и Гарри Блаунта были таким образом совершенно противоположны интересам Михаила Строгова. Последний как нельзя лучше понимал свое положение, и это было новой причиной, заставлявшей его избегать встречи с ними. Прошло четыре дня, но за это время не произошло никаких перемен. О снятии лагеря и новом походе татар ничего не было слышно. За пленниками строго следили.

В пище, отпускаемой им, чувствовался сильный недостаток. Два раза в сутки им кидали козы внутренности, поджаренные на углях, или несколько кусков овечьего сыру, вот и все. Погода, как нарочно, переменилась к худшему, начались дожди с холодным, пронизывающим ветром. Некоторые из раненых, женщины и дети не выдержали и умерли. Пленным пришлось самим хоронить их трупы, а татары не хотели даже отвести им места для погребения. В это тяжелое время Альсид Жоливе и Михаил Строгов одни не теряли мужества и терпения. Сильные, здоровые духом и телом, они своими советами подкрепляли и утешали слабых, впадавших в отчаяние. Но долго ли будут еще продолжаться их несчастья?

Что, если Феофар, довольный своими первыми победами, пожелает отдохнуть некоторое время, а потом уже идти на Иркутск?! Этому могли опасаться, но это не случилось. Событие, столь желаемое Альсидом Жоливе и Гарри Блаунтом и столь не желаемое Михаилом Строго-

вым, – это событие совершилось утром 12 августа. Снова затрубили в трубы, забили в барабаны, началась стрельба и пальба. По дороге от Колывани показалось громадное облако пыли.

Иван Огарев, сопровождаемый многими тысячами людей, вступал в лагерь Феофар-Хана.

Глава II. Положение Альсида Жоливе

Иван Огарев привел к эмиру целый армейский корпус. Это была часть той колонны, что заняла Омск. Не будучи в силах разрушить город, где, надо помнить, находились в то время сам губернатор и весь местный гарнизон, Огарев, чтоб не задерживать военных действий, долженствовавших привести к покорению всей Восточной Сибири, решил обойти его. Оставив там довольно значительный гарнизон и подкрепившись по дороге колыванскими победителями, он повел свои орды в лагерь Феофара, чтобы там соединиться с ним. Солдаты Огарева остановились за лагерем. Они не получили приказа стать на бивак. Без сомнения, предводитель их не намерен был здесь останавливаться, а спешил дальше, в Томск, город важный, предназначенный сделаться центром будущих операций. Вместе с солдатами Иван Огарев привел еще новый отряд пленных, русских и сибиряков, захваченных частью в Омске, частью в Колывани. Несчастных не повели за ограду, там и без них было слишком тесно, они, как и солдаты, остались за лагерем, лишённые крова и даже пищи.

За новопривывшими тянулась толпа нищих, мародеров, купцов и цыган, составляющих обыкновенно арьергард действующей армии. Все эти люди питались тем, что грабили по дороге, и поэтому пройденный ими путь превращался в голодную пустыню. В числе цыган, бежавших из западных губерний, находилась и та цыганская группа, с которой Михаилу Строгову привелось ехать до Перми. Сангарра была также там. Эта дикая шпионка, тень Ивана Огарева, ни на шаг не покидала своего повелителя. Благодаря ей, Огарев имел всегда и о всем самые новые, точные и верные сведения. Сотни ушей, сотни глаз служили только ему одному. К тому же он очень щедро оплачивал это выгодное для себя шпионство.

Сангарра, попавшаяся когда-то в одном важном деле, была спасена русским офицером. С тех пор она никогда не забывала, чем была обязана этому человеку. Иван Огарев, сделавшись изменником, сразу же понял, какую выгоду мог он извлечь для себя из этой женщины.

Между тем при первых звуках труб и барабанного боя начальник главной артиллерии и главный конюший в сопровождении блестящей свиты кавалеристов-узбеков выехали навстречу Огареву. Подъехав к нему, они сперва приветствовали его, воздавая ему самые высокие, по восточному обычаю, почести, а затем пригласили ехать за собой, к палатке Феофар-Хана.

Невозмутимый, как всегда, Иван Огарев очень холодно отвечал на все эти любезности высланных ему навстречу сановников. Он был одет очень просто, но в силу какой-то наглой похвальбы все еще носил русскую офицерскую форму. В ту минуту, как он соскочил с лошади, чтобы идти в лагерь, сквозь окружавшую его толпу всадников проскользнула Сангарра.

- Ничего? – спросил ее Иван Огарев.
- Ничего.
- Будь терпелива.
- Час, когда ты заставишь говорить старуху, приближается?
- Приближается.
- Когда же она заговорит?
- Когда мы будем в Томске.
- А когда мы там будем?
- Через три дня.

Большие черные глаза Сангарры блеснули недобрым огнем, и, успокоенная, она отошла прочь.

Огарев направился к палатке эмира, Феофар-Хан ждал своего адъютанта. Там уже заседал весь совет, состоявший из хранителя царской печати, ходжи и многих других важных сановников.

Когда на пороге ханского шатра показался Иван Огарев, сановники продолжали сидеть неподвижно на своих вышитых золотом подушках. Один только Феофар поднялся со своего роскошного дивана, стоявшего в глубине устланной пушистыми бухарскими коврами палатки, и, подойдя к Огареву, поцеловал его. В значении этого поцелуя нельзя было ошибиться. Этот поцелуй производил его из адъютантов в главные советники и временно ставил его чином выше ходжи.

– Мне не нужно тебя расспрашивать, – обратился Феофар к Огареву. – Все уши находящихся здесь приготовились слушать тебя.

– Takhsir², – отвечал Иван, – вот что я должен сообщить тебе.

Огарев говорил по-татарски, придавая оборотам своей речи ту напыщенность, которая так присуща восточным языкам.

– Нам некогда терять время на пустые разговоры, – продолжал он. – То, что я сделал, предводительствуя твоим войском, тебе известно. Границы Ишима и Иртыша принадлежат тебе. Киргизские орды по твоему голосу поднялись все до единого человека, и главная сибирская дорога от Ишима до Томска – твоя. Итак, ты можешь вести свои полки куда хочешь, на запад ли, где солнце закатывается, или на восток, где оно восходит.

– А если я захочу идти вместе с солнцем? – спросил эмир.

– Идти вместе с солнцем, – отвечал Огарев, – значит идти на Европу, значит завоевать все земли от Тобольска до Уральских гор.

– Но войска петербургского султана?.. – проговорил недоверчиво Феофар-Хан, подразумевая под этим странным именем императора России.

– Тебе их нечего бояться ни на востоке, ни на западе, – отвечал Огарев. – Твое нападение было так неожиданно, что русские и опомниться не успеют, как Иркутск и Тобольск очутятся в твоих руках. Царские войска при Кольвани были разбиты, и они всегда будут разбиты везде, где только твои солдаты будут биться с ними.

– А какое мнение внушает тебе насчет этого твоя преданность нам? – спросил его эмир после минутного молчания.

– Мое мнение, – поспешно отвечал Иван, – опередить солнце! Отдать траву с восточных степей на корм туркменским лошадям! Взять Иркутск, столицу Востока, а вместе с нею, как залог, того, кто стоит больше всей страны! Уж если не сам царь, так, по крайней мере, великий князь, брат государя, достанется тебе в руки.

Это была конечная цель всех стремлений Ивана Огарева.

– Так и будет сделано, Иван, – отвечал Феофар.

Иван Огарев молча поклонился и вышел из палатки. Ему подали коня. Но только что он занес ногу в стремя, как невдалеке от него, в той стороне, где помещались пленные, произошло какое-то смятение, послышались сперва крики, затем выстрелы. Огарев сделал было несколько шагов вперед, но в ту же минуту два человека, вырвавшись из рук державших их солдат, подбежали к нему.

Хуш-беги, шедший рядом с Огаревым, без дальних рассуждений взмахнул саблей, и голова одного из этих людей чуть было не покатила на землю, но Иван Огарев успел вовремя схватить его руку и отклонить смертельный удар. Русский сразу узнал, что пленные были иностранцы, и отдал приказание немедленно привести их к себе.

---

² Владыка.

Это были Гарри Блаунт и Альсид Жоливе. С самого приезда Ивана Огарева в лагерь они просили свести себя к нему. Солдаты не согласились.

Иностранцы пытались бежать, солдаты их не пускали, они вступили с ними в драку, а те стали стрелять, и, без сомнения, журналисты были бы убиты, если бы Огарев не вмешался сам в это дело. В продолжение нескольких минут он молча разглядывал стоявших перед ним совершенно незнакомых ему пленников.

А между тем они были свидетелями той сцены, что произошла на почтовой станции в Ишиме, когда Иван Огарев ударил Михаила Строгова. Но свирепый путешественник не обратил тогда никакого внимания на находящуюся в то время в общей зале публику. Гарри Блаунт и Альсид Жоливе, напротив, сейчас же узнали его.

– Гм-гм, кажется, полковник Огарев и тот грубиян с Ишима одно и то же лицо, – сказал француз вполголоса.

– Объясните ему наше дело вы, Блаунт, – шепнул он на ухо своему приятелю. – Этот русский полковник в татарском лагере мне прямо противен, и хотя, благодаря ему, моя голова и не слетела с плеч, но я не могу смотреть ему прямо в глаза: он внушает мне такое презрение!

Сказав это, Жоливе окинул Огарева с ног до головы презрительным, высокомерным взглядом и отошел прочь. Заметил ли Огарев этот оскорбительный для себя взгляд пленника или нет? Во всяком случае, он не показал этого.

– Кто вы такие? – спросил он по-русски.

– Два газетных корреспондента английской и французской печати, – лаконически отвечал Гарри Блаунт.

– Вы, конечно, имеете при себе бумаги, удостоверяющие вашу личность?

– Вот письма, уполномочивающие нас жить в России и состоять при французской и английской канцеляриях.

Иван Огарев взял письма и стал внимательно читать их.

– Вы просите, – сказал он, – разрешения следовать за нашими войсками дальше в Сибирь?

– Мы просим нас освободить, вот и все, – сухо отвечал английский корреспондент.

– Но вы свободны, господа, – отвечал Иван Огарев, – и мне будет очень интересно прочесть вашу хронику в «Ежедневном Телеграфе».

– Милостивый государь, – отвечал Блаунт с невозмутимостью истого англичанина, – номер этой газеты стоит шесть пенсов с почтовыми издержками включительно.

Сказав это, он повернулся к своему товарищу, по-видимому, очень довольному его ответом. Иван Огарев и бровью не повел, он вскочил на лошадь и, окруженный своею свитой, быстро скрылся в облаках пыли.

– Итак, Жоливе, какого вы мнения о полковнике Огареве или, что то же, о предводителе татарского войска? – спросил англичанин.

– Я думаю, дорогой друг, – улыбаясь, отвечал Жоливе, – что жест, которым хуш-беги собирався рубить нам головы, был великолепен!

Как бы то ни было и какие бы ни были причины, заставившие Ивана Огарева поступить так великодушно относительно двух журналистов, эти последние были свободны и могли, по желанию, беспрепятственно разъезжать по всему театру военных действий. Они решили продолжать свое путешествие. Чувство антипатии, испытываемое ими когда-то друг к другу, превратилось в самую искреннюю дружбу. Блаунт не мог забыть услуги, оказанной ему французом, о чем тот не любил даже и вспоминать. В общем, их дружба, облегчая им репортерский труд, послужила в пользу и их читателям.

– А теперь, – спросил Гарри Блаунт, – что же мы станем делать с нашей свободой?

– Злоупотреблять ею, конечно, черт подери, – отвечал Жоливе. – Мы преспокойно отправимся в Томск и станем наблюдать над всем, что там делается.

– До той минуты, и, надеюсь, близкой минуты, когда мы сможем присоединиться к какому-нибудь русскому отряду?

– Как вы выражаетесь, мой дорогой Блаунт! Вы начали отатариваться! Если оружие победителей просвещает побежденных – тогда хорошо. В настоящем же случае ясно, что народы Средней Азии ничего не выиграют от татарского нашествия, а, напротив, только проиграют. Но, конечно, русские сумеют прогнать их! Все дело во времени!

Между тем приезд Ивана Огарева, возвратившего свободу иностранцам, был большим несчастьем для Михаила Строгова. Если случай столкнет их друг с другом, то, конечно, первый не замедлит узнать в нем путешественника, с которым он так сурово обошелся в Ишиме, и, хотя Михаил молча перенес это оскорбление, все же на него будет обращено внимание, а это может повредить исполнению его планов. Вот в чем и заключалась дурная сторона приезда Ивана Огарева. Одно только было хорошо – это то, что Феофар отдал приказ перевести немедленно свою главную квартиру в Томск. Таким образом, исполнялось самое горячее желание Михаила Строгова.

Он рассчитывал добраться до Томска, замешавшись в толпу пленных и не рискуя попасться в руки разведчикам, шнырявшим без устали кругом города. Теперь же, по приезде в лагерь Ивана Огарева, опасаясь быть им узнанным, он положительно не знал, как поступить, и думал, что не лучше ли будет просто-напросто бежать из татарского лагеря? И наверное, он остановился бы на этом последнем решении, если бы в лагере не пронеслась вдруг неожиданная новость, что Феофар-Хан и Иван Огарев во главе нескольких тысяч кавалерий уже отправились в Томск.

«Что же делать? – подумал Строгов. – Придется подождать, пока не представится какой-нибудь исключительный случай к побегу. Вся опасность заключается до Томска, за Томском же, стоит мне только перейти через восточные татарские посты, и я свободен. Еще три дня терпения и... да поможет мне Бог!»

Действительно, пленникам предстояло трехдневное путешествие через степь, под охраной многочисленного татарского отряда. Лагерь отстоял от города на сто пятьдесят верст.

Для солдат, пользующихся всеми удобствами, переход этот был, конечно, нетруден, но для несчастных, больных и изнуренных всевозможными лишениями пленников он был ужасен. Немало трупов легло во время этого перехода по большой сибирской дороге.

12 августа в два часа пополудни топчи-баши отдал приказ выступить в поход. Небо было безоблачно – солнце пекло невыносимо.

Альсид Жоливе и Гарри Блаунт, купив себе лошадей, уехали еще раньше в Томск, где, по странному стечению обстоятельств, суждено было встретиться всем главным лицам этого романа.

Среди пленных, доставленных в татарский стан Иваном Огаревым, была одна старая женщина, молчаливость которой даже как будто выделяла ее из числа всех разделявших с ней ее участь. Ни одна жалоба не исходила из ее уст. Ее можно было назвать статуей печали. За этой женщиной, неподвижной и безмолвной, день и ночь следила Сангарра. С ней обращались грубее и строже, чем с другими, но, казалось, она не замечала ничего. Само Провидение послало ей ангела-хранителя в лице молодой девушки, отважной и милосердной, созданной понять ее и поддержать в ней дух.

Это была тоже пленница, девушка замечательной красоты. Она так же, как и старая сибирячка, совершенно безучастно относилась ко всей окружающей их обстановке, но по отношению к старухе она, казалось, задалась целью заботиться о ней как о родной матери. Они не обмолвились еще ни единым словом, но молодая девушка всегда как-то вовремя умела помочь старухе.

Та первое время принимала эти услуги красавицы незнакомки довольно недоверчиво. Мало-помалу, однако, всегда открытый, честный взгляд молодой пленницы, ее скромность и

сдержанность и эта таинственная симпатия к ней победили наконец высокомерную холодность Марфы Строговой. Надя – так как это была она – могла таким образом оказывать матери те же услуги, что когда-то оказывал ей ее сын. Ее врожденная доброта сослужила ей двойную службу. Почтенный возраст старухи охранял, в свою очередь, молодость и красоту Нади. Глядя на эту молчаливую группу двух женщин, из которых одна казалась бабушкой, другая – внучкой, всякий проникался к ним уважением. Когда татарские разведчики схватили Надю и увезли ее на своей барке в Омск, она сделалась пленницей вместе со всеми захваченными там в плен Иваном Огаревым, в том числе и с Марфой Строговой. Если бы Надя была менее энергична, она, наверное, не перенесла бы этого двойного удара и погибла бы. Прерванное путешествие, внезапная смерть Михаила Строгова – все это вместе повергло ее и в отчаяние, и в негодование. Оторванная, быть может, навсегда от своего отца, разлученная со своим отважным спутником, она вдруг потеряла все. Образ Михаила, исчезнувшего в водах Иртыша, не покидал ее ни на минуту. Неужели он утонул? Для кого же Господь творит Свои чудеса, если этот честный, благородный человек так безвременно и так недостойно погиб?!

«Кто отомстит за умершего, ведь он не может теперь отомстить сам за себя? – думала Надя и в глубине сердца своего взывала к Господу: – Боже, сделай, чтоб это была я!»

Естественно, что, погруженная в свои невеселые думы, Надя оставалась нечувствительной к испытываемым ею лишениям в плену. И вот случай свел ее с Марфой Строговой. Она и не подозревала, кто была эта женщина! Да и как могла она поверить, что эта старуха пленница – мать ее спутника, которого она знала только под именем купца Николая Корпанова? А с другой стороны, как могла догадаться Марфа, что чувство признательности в этой незнакомой молодой девушке связывало ее с ее сыном?

Марфа Строгова сразу обратила на себя внимание Нади. Это равнодушие старой женщины к материальным лишениям их каждодневной жизни, это презрение к физическим страданиям могло быть вызвано только сильной нравственной скорбью. Так думала Надя, и она не ошиблась.

И вот между ними незаметно, почти инстинктивно, возникла самая нежная симпатия друг к другу. Если на пути встречались затруднения и молодая девушка видела, что Марфе тяжело идти, она сейчас же предлагала ей руку и поддерживала ее. Когда пленным раздавали пищу, старуха не двигалась с места, но Надя всякий раз делилась с ней своей скудной порцией. Благодаря своей молоденькой спутнице Марфа Строгова могла идти следом за солдатами, конвоирующими пленный отряд, не будучи привязана к луке седла одного из них, как это делалось со многими из этих несчастных, больных женщин.

– Да наградит тебя Бог за твое внимание к моей старости, дочь моя! – сказала однажды ей Марфа Строгова, и это были единственные слова, произнесенные между ними за это время.

В продолжение следующих дней, скучных и однообразных, они, казалось, поневоле должны были разговориться. Но Марфа Строгова по-прежнему молчала. Она ни разу не заикнулась ни о сыне, ни о роковой встрече, так внезапно столкнувшей их лицом к лицу. Надя со своей стороны также, если и не молчала все время, то говорила мало и сдержанно. Но вот однажды, чувствуя, что перед ней простая и высокая душа, она откровенно рассказала ей обо всем, что произошло с ней со времени отъезда ее из Владимира до самой смерти Николая Корпанова. Ее рассказ о молодом ее спутнике живо заинтересовал старую сибирячку.

– Николай Корпанов? – проговорила она. – Расскажи мне еще про этого Николая! Я знаю только одного человека, единственного среди нынешней молодежи, такое поведение которого меня бы нисколько не удивило. Николай Корпанов! Настоящее ли это было его имя? Уверена ли ты в этом, дочь моя?

– Почему же он стал бы меня обманывать, – отвечала Надя, – когда он никогда ни в чем меня не обманывал?

Между тем какое-то предчувствие заставляло Марфу расспрашивать о нем все подробнее и подробнее.

– Ты сказала, что он был отважен, дочь моя! Ты мне доказала это! – сказала она.

– Да, отважен, – отвечала Надя.

«И мой сын был такой же», – думала про себя Марфа Строгова.

– Ты мне говорила, – снова начинала она, – что он не останавливался ни перед чем, что его ничто не удивляло, что он был кроток и что нежность выражалась даже в его силе, что он был для тебя и сестра, и брат и что он заботился о тебе, как может заботиться только нежная мать?

– Да-да! – воскликнула Надя. – Брат, сестра, мать, он был все для меня!

– А чтобы защищать тебя, он превращался в льва?

– Да, действительно, льва! – отвечала Надя. – Да, он был и лев, и герой в одно и то же время!

«Мой сын, мой сын!» – думала старая сибирячка.

– Он был высок ростом? – спросила она.

– Очень высок!

– И очень красив собой, не правда ли? Ну, отвечай же мне, дочь моя!

– Он был очень красив, – отвечала Надя, вся покраснев.

– Это был мой сын! Говорю тебе, это был мой сын! – вскричала старуха, обнимая Надю.

– Ваш сын? – отвечала страшно изумленная и смущенная Надя. – Ваш сын!

– Ну расскажи же мне все, – продолжала Марфа, – все до конца. Твой спутник, твой друг, твой покровитель, имел он мать? Разве он никогда не говорил тебе о своей матери?

– О своей матери? – сказала Надя. – Он говорил мне о своей матери так же, как я рассказывала ему об отце, часто, постоянно! Он обожал свою мать!

– Надя, Надя, ты рассказала мне историю моего сына, – сказала старуха. – Скажи же мне, проходя через Омск, он не должен был видеться со своей матерью?

– Нет, – отвечала Надя, – нет, не должен был.

– Нет? – воскликнула Марфа. – И ты смеешь мне говорить: нет?

– Я вам сказала «нет», но я должна прибавить, что по каким-то причинам, очень важным, но мне неизвестным, я думаю, что Николай Корпанов должен был проходить через Сибирь, сохраняя глубокое инкогнито. Это был для него вопрос жизни и смерти, нет, скорее вопрос долга и чести.

– Да, ты права: это был его долг, великий долг, – проговорила старая сибирячка. – Долг, для выполнения которого жертвуют всем, отказывают себе во всем, даже в простой радости прийти и поцеловать, быть может, в последний раз старуху мать. То, что тебе неизвестно, Надя, и то, что было до сих пор и для меня тайной, – теперь я узнала! Твой рассказ открыл мне все. Но тот свет, что ты пролила мне в душу, я не могу поделить им с тобой! Если сын мой не открыл тебе своей тайны, то и я не вправе открывать ее. Прости мне, Надя! Я плачу тебе неблагодарностью за всю доброту твою ко мне.

– Мать, – отвечала Надя, – я не спрашиваю у вас ни о чем.

Да, теперь для старой сибирячки все стало ясно, все, даже странное поведение ее сына в Омске, в присутствии посторонних свидетелей их встречи. Не было сомнения, что спутник молодой девушки был не кто другой, как Михаил Строгов. Какое-нибудь тайное поручение, быть может, важная депеша, которую он должен был отвезти через завоеванную страну, заставила его скрывать свою должность царского курьера.

«Ах, мое дорогое дитя, – думала Марфа Строгова. – Нет, я не предаю тебя, никакие мучения не заставят меня признаться в том, что я видела в Омске своего сына!»

Глава III. Долг платежом красен

Таковы были теперь отношения между Надей и Марфой Строговой. Старухе все было понятно и ясно как день. Молодая же девушка, хотя и оставалась еще в неведении насчет судьбы, постигшей ее спутника, знала, по крайней мере, что женщина, заступившая ей место матери, в то же время мать и ему, и благодарила Бога за то, что Он даровал ей эту радость и дал возможность заменить старой пленнице ее погибшего сына. Но ни одной из них не было известно, что Михаил Строгов, взятый в плен при Кольвани, находился в том же отряде военнопленных, что и они, и что он шел теперь вместе с ними в Томск.

Пленных, доставленных Иваном Огаревым, присоединили к тем, что находились уже раньше в татарском стане. Тут были и сибиряки, и русские, военные и штатские, всего несколько тысяч человек, и отряд этих несчастных растянулся на несколько верст по дороге. Некоторые из них, как преступники, были в кандалах и шли, прикованные к одной длинной цепи. Тут были также женщины и дети, связанные или привязанные к седлам и к стремянам, и их тоже безжалостно тащили по пыльной дороге. Всех их гнали и били, подгоняя, как гонят скот, когда его ведут на убой. Тех, что не в силах были идти дальше и падали по дороге от усталости, тех просто убивали.

Михаил Строгов шел в передних рядах вместе с кольванскими пленниками, пленники же, пришедшие из Омска, шли намного сзади него. Таким образом, ни Марфа Строгова с Надей, ни Михаил не могли подозревать, что находятся так близко друг от друга.

Правый берег Оби до самого начала предгорья Саянской возвышенности, простирающейся и на север, и на юг, представляет собою угрюмую, пустынную местность. Несколько жалких, выжженных солнцем кустарников одни оживляют эту однообразную, бесконечную равнину. Недостаток в растительности происходит от недостатка воды, и для пленников, изнуренных на пути жаждою, это было еще новое мучение. Чтобы достать проточной воды, надо было свернуть на восток, верст на пятьдесят в сторону, почти до самого предгорья Саянских гор, служившего водоразделом Обского и Енисейского бассейнов. Там протекала речка Томь, маленький приток Оби; протекая через город Томск, она терялась в одной из обширных северных водных артерий; там воды было в изобилии, степь была не так суха, воздух не так душен.

Но начальникам пленного отряда было строго-настрого приказано идти в Томск самой прямой и кратчайшей дорогой. Эмир боялся, чтобы какая-нибудь русская колонна не ударила с севера ему во фланг и не отрезала бы его от армии. Большая же Сибирская дорога, по которой шли наши пленники, находилась от речки Томи в пятидесяти верстах. Бесплезно описывать все мучения этих несчастных. Сотни их падали мертвыми по дороге и, брошенные в степи, должны были лежать там и ждать, когда суровая зима пригонит сюда волков и те сожрут их сгнившие трупы.

Как Надя ни на шаг не отходила от старой сибирячки и всегда готова была услужить ей, так и Михаил Строгов по мере сил своих старался помогать и услуживать тем, кто был слабее его. На нем не было оков, и он свободно переходил от одного к другому, ободряя одних, поддерживая других, покуда удар хлыста одного из конвойных солдат не заставлял его возвращаться на назначенное ему место. Но почему же он не искал случая бежать? Да потому, что теперь, по его мнению, бежать и скрываться в степи было не только опасно, но прямо безрассудно. Достаточно было взглянуть на многочисленные отряды войск, постоянно наводняющие равнину то с юга, то с севера, и становилось ясно, что несчастный беглец не сделал бы и двух верст, как снова попался бы в плен.

Наконец 15 августа, уже под вечер, пленный отряд достиг небольшого сельца, Забедьера, находившегося верстах в тридцати от Томска. В этом месте дорога подходила к берегам реки

Томи. Первым движением пленных было, конечно, броситься к реке, но солдаты не позволяли им выходить из рядов, пока начальниками отряда не дан был сигнал к остановке.

Хотя в эту пору течение Томи и было страшно стремительно и даже бурно, но кто же мог поручиться за то, что среди пленных не нашлись бы такие смельчаки или просто отчаявшиеся люди, готовые ради свободы броситься в реку, и, кто знает, быть может, бегство удалось бы им? И вот к предупреждению подобного бегства были приняты самые строгие меры. Стоявшие на реке барки были поставлены на шпринг, и из них образовался сплошной ряд непреодолимых препятствий. Кругом расположившегося на отдых отряда пленных был поставлен кордон, и прорвать эту цепь часовых было также невозможно.

Михаил Строгов, думавший раньше воспользоваться этим временем для своего бегства, понял, что при подобных условиях планы его не могут осуществиться, и, не желая рисковать своей свободой, решил снова ждать.

Эту ночь пленники должны были провести на берегу Томи...

Как только отряд военнопленных расположился биваком, люди, измученные жаждою, бросились к реке. Солнце уже село, но на горизонте еще белела светлая полоса, когда Надя, поддерживая Марфу Строгову, подошла с ней к берегу Томи. До сих пор ни той, ни другой не удалось еще пробраться сквозь густые ряды стоявших впереди них и жаждущих освежиться, и им пришлось долго ждать своей очереди. Старуха нагнулась над прозрачной струей, а молодая девушка, почерпнув в горсть воды, поднесла светлую влагу к ее запекшимся губам. Напоив мать, она стала пить сама. Благодатные воды Томи вернули их снова к жизни. Собираясь уходить с берега, Надя встала, выпрямилась, и вдруг невольный крик вырвался из ее груди. В нескольких шагах от нее стоял Михаил Строгов!.. Да, это был он!.. Последние отблески потухающего дня еще освещали его!

При крике Нади Михаил задрожал... Но у него хватило настолько самообладания, что он не произнес даже ни одного слова, могущего выдать его. А между тем, одновременно с Надей, он узнал и свою мать!.. При этой неожиданной встрече, чувствуя, что не в силах более владеть собой, он закрыл глаза рукой и быстро удалился. Надя бросилась за ним, но старуха схватила ее за руку и непустила.

– Останься, дитя мое, – шепнула она.

– Это он, – отвечала Надя, прерывающимся от волнения голосом. – Он жив, это он!

– Это мой сын, – сказала Марфа, – это Михаил Строгов, ты видишь, что я не подхожу к нему! Бери пример с меня, моя дочь!

Михаилу Строгову пришлось испытать одно из самых сильных душевных волнений, когда-либо испытываемых человеком.

Его мать и Надя в плену! Эти две женщины, почти одинаково дорогие его сердцу, Самим Богом были посланы навстречу друг другу, и их постигла одна и та же ужасная участь! А Надя! Знала ли она: кто он был? Нет, не знала. Он видел, как мать остановила ее в ту минуту, как она собралась броситься к нему. Значит, Марфа Строгова знала все и берегла его тайну. В эту ночь Михаил не раз порывался пойти и, быть может, в последний раз обнять свою мать и пожать хорошенькую ручку ее молодой спутницы, но благоразумие каждый раз удерживало его. Ведь малейшая неосторожность могла погубить и его, и их. К тому же он дал клятву не видеться с матерью... и он не увидится с ней по своей воле! В эту ночь ему не удастся бежать, но зато, как только они придут в Томск, он сейчас же бросится в степи, даже не обняв двух дорогих для него существ, в которых заключалась вся его жизнь и которых он безжалостно бросил на новые мучения!

Михаил Строгов надеялся, что эта встреча не будет иметь никаких дурных последствий ни для него, ни для его матери. Но он не знал, что свидетельницей этой сцены, хотя и мгновенной и почти незаметной для других, была Сангарра, шпионка Ивана Огарева. Цыганка была там, всего в нескольких шагах от берега, следя по обыкновению за старой сибирячкой. Она

не могла видеть Михаила Строгова: в ту минуту как она обернулась, он уже успел скрыться в толпе, но движение матери, схватившей за руку Надю, не ускользнуло от нее, а особый блеск в глазах Марфы объяснил ей многое.

Иван Огарев принял цыганку немедленно.

– Что тебе от меня надо, Сангарра? – спросил он.

– Сын Марфы Строговой в лагере, – отвечала Сангарра.

– Пленник?

– Пленник!

– Ах, – вскричал Иван Огарев, – я узнаю!..

– Ты ничего не узнаешь, Иван, – перебила его цыганка, – ведь ты же его совсем не знаешь?

– Но ты зато знаешь! Ты видела его, Сангарра!

– Я лично его не видела, но я видела, как его мать невольным движением выдала самое себя, и по этому движению я все узнала.

– Ты не ошибаешься?

– Нет, не ошибаюсь.

– Ты знаешь, какое значение я придаю аресту царского курьера, – сказал Иван Огарев. – Если письмо, данное ему в Москве, дойдет до Иркутска, если оно попадет в руки великому князю, то великий князь примет все меры предосторожности, и я не попаду к нему. Мне нужно во что бы то ни стало перехватить это письмо! И вдруг ты приходишь и говоришь, что тот, у кого это письмо, в моей власти! Я спрашиваю тебя еще раз, Сангарра, ты не ошибаешься?

Говоря это, Огарев был страшно взволнован. Он придавал громадное значение этому письму, но его недоверчивые расспросы ничуть не смутили Сангарру.

– Говорю тебе, Иван, я не ошибаюсь, – повторила она.

– Но, Сангарра, в лагере целые тысячи пленных, а ты говоришь, что даже в лицо не знаешь Михаила Строгова!

– Нет, – отвечала она, и дикая радость озарила ее лицо, – я его не знаю, но мать должна знать своего сына! Иван, надо заставить говорить его мать!

– Завтра она у меня заговорит! – вскричал Иван Огарев.

Он подал руку цыганке, и та поцеловала ее, но в этом знаке почтения, столь обычном у северян, не было ничего унижительного. Сангарра вернулась в лагерь. Она отыскала Надю и Марфу Строгову и поместилась недалеко от них. Старуха и молодая девушка, несмотря на усталость, еще не спали. Волнение, беспокойство – все заставляло их бодрствовать. Михаил Строгов был жив, но он был так же, как и они, пленник! Знал ли об этом Иван Огарев, а если не знал, то разве все равно не узнает?

На следующий день, 16 августа, около 10 часов утра на линейке лагеря раздались вдруг оглушительные звуки труб. Солдаты-татары моментально схватились за оружие. Окруженный многочисленной свитой, в лагерь въезжал сам Иван Огарев.

Он был мрачен, мрачнее обыкновенного. Черты лица его выражали глухой, затаенный гнев, готовый ежеминутно вылиться наружу и разразиться в бешенство. Михаил Строгов, затерянный в толпе, видел, как этот человек проезжал мимо него.

Он предчувствовал, что произойдет какая-нибудь катастрофа; ведь теперь Огареву было известно, что Марфа Строгова – родная мать Михаила Строгова, капитана фельдъегерского корпуса.

Выехав на середину лагеря, Иван Огарев соскочил с лошади, а офицеры, сопровождавшие его, разместились вокруг него широким кольцом. В эту минуту подошла Сангарра и сказала:

– Я не могу сообщить тебе ничего нового, Иван!..

Вместо всякого ответа Огарев быстро отдал какое-то приказание одному из офицеров. Вслед за этим солдаты бросились бегать по рядам военнопленных. Они хлестали их, били пал-

ками, пока не подняли всех на ноги и не заставили установиться в правильные ряды. Пехота и кавалерия встала позади них в четыре линии, отрезав, таким образом, всякий путь к бегству. В лагере водворилась мертвая тишина. И вот по знаку Ивана Огарева Сангарра приблизилась к той группе, где стояла Марфа Строгова. Старая сибирячка завидела ее еще издали. Она поняла, что должно было произойти, и улыбка презрения искривила ее лицо. Она быстро наклонилась к Наде и шепнула ей на ухо:

– С этой минуты, дочь моя, ты меня не знаешь! Что бы ни случилось, как тяжело, жестоко не было бы испытание, ни слова, ни жеста! Дело идет ни обо мне, а о нем!

В эту минуту к ним подошла Сангарра и положила свою руку на плечо старой сибирячки.

– Чего ты хочешь от меня? – спросила Марфа.

– Ступай за мной! – отвечала цыганка, и, толкая старуху рукой, она подвела ее к Огареву. Михаил Строгов опустил голову, он боялся, чтобы блеск его глаз не выдал его.

Очутившись перед Огаревым, Марфа гордо выпрямилась и, скрестив руки на груди, осталась в ожидании.

– Ты и есть Марфа Строгова? – спросил Иван Огарев.

– Да, – спокойно отвечала старуха.

– Ты помнишь, что ты мне отвечала три дня тому назад, когда я тебя расспрашивал в Омске?

– Да.

– Значит, ты не знаешь, что твой сын, Михаил Строгов, фельдъегерь, был в Омске?

– Не знаю...

– А тот человек, которого ты приняла на почтовой станции за своего сына, был, значит, не он – не твой сын?

– То не был мой сын.

– А после этого ты не встречалась с ним среди этих пленников?

– Нет.

– А если бы тебе его показали, ты узнала бы его?

– Нет.

И в этом «нет» звучало столько решительности и непоколебимой твердости, что сразу всем ясно стало, что эта женщина ни за что не выдаст своего сына. В толпе пронесся ропот. Огарев не мог сдержать угрожающего жеста.

– Слушай, ты, – сказал он ей, – твой сын здесь, и ты сию же минуту укажешь мне его!

– Нет!

– Все мужчины, взятые в плен в Омске и Колывани, пройдут мимо тебя, и, если ты не укажешь мне Михаила Строгова, ты получишь столько ударов кнута, сколько человек пройдет мимо тебя!

Огарев понимал, что никакие угрозы, мучения, ничто не заставит говорить эту упрямую старуху, но в данном случае он рассчитывал не на нее, а на самого Михаила. Он не верил, чтобы мать и сын при встрече не обнаружили хотя бы малейшего признака волнения. Разумеется, если бы дело шло только о письме государя, то он просто-напросто приказал бы обыскать всех пленников. Но Михаил Строгов мог уничтожить это письмо, узнав предварительное его содержание. А если никем не узнанный он проберется в Иркутск, ведь тогда все планы Ивана Огарева рушатся. Итак, не одно только письмо было нужно этому негодяю, но и сам он, владелец этого письма.

Надя все слышала. Теперь и ей стало известно, кто был Михаил Строгов и почему он так заботливо скрывал свое имя.

По знаку Огарева мимо Марфы Строговой потянулась длинная вереница пленных мужчин. Она стояла неподвижно и молча, как статуя, взгляд ее выражал полное равнодушие. Ее сын был в последних рядах. Когда пришла его очередь проходить мимо матери, Надя, чтобы не

видеть его, закрыла глаза. Михаил Строгов с виду казался совершенно спокойным, но кулаки его так крепко сжались, что ногти до крови вонзились в ладони его рук. Мать и сын победили Огарева! Стоявшая около него Сангарра шепнула:

– Кнут!

– Да! – вскричал Огарев вне себя от бешенства. – Кнут этой старой мерзавке! Пусть она подохнет под этим кнутом!

Солдат-татарин принес кнут. Это ужасное орудие пытки состояло из нескольких кожаных ремней, обмотанных по концам железной проволокой. Двадцать ударов такого кнута, как говорят, равносильны смерти.

Марфа знала это прекрасно, но она знала также, что никакая пытка не заставит ее предать своего сына, и она решила пожертвовать своей жизнью. Двое солдат схватили ее и бросили на землю. Она упала на колени. Разорванное платье обнажило ее спину. Перед ней, всего в нескольких дюймах, воткнули в землю саблю. В случае, если она согнется под ударом кнута, ее грудь будет проколота острием этой сабли. Татарин уже стоял над ней.

– Начинай! – сказал Иван Огарев.

Кнут засвистел в воздухе... но, прежде чем он упал на несчастную жертву, какая-то мощная рука вырвала его из рук палача. То был Михаил Строгов. Он не выдержал этой отвратительной сцены! Если там, на станции в Ишиме, когда Огарев хлестнул его своей плеткой, он сдержался, то тут, при виде мучений матери, он не в силах был более владеть собой. Огарев торжествовал: он достиг своей цели.

– Михаил Строгов! – воскликнул он. – А, да это тот самый, что был тогда в Ишиме, – прибавил он, подходя к Михаилу.

– Он самый! – отвечал Михаил и, взмахнув кнутом, изо всей силы хлестнул им по лицу Ивана Огарева.

– Удар за удар! – воскликнул он.

– Долг платежом красен! – раздался чей-то голос в толпе.

Человек двадцать солдат бросились на Михаила Строгова, готовые убить его... Но Огарев удержал их.

– Этого человека будет судить сам эмир! Общайте его!

Письмо под царской печатью было найдено на груди Михаила. Он не успел его уничтожить, и письмо было отдано Огареву. Человек, одобвивший вслух поступок Михаила, был не кто иной, как Альсид Жоливе. Остановившись в лагере при Забедьере, он с англичанином были свидетелями всей этой сцены.

– Черт возьми, – сказал он Гарри Блаунту, – эти северяне жестокий народ! Согласитесь, что мы должны выразить нашу симпатию молодому человеку! Корпанов или Строгов стоят один другого! Я нахожу, что он прекрасно отплатил за свое оскорбление в Ишиме!

– Да, действительно, месть хороша, – отвечал Гарри Блаунт, – но ведь Строгов осужден теперь на смерть. Пожалуй, для него было бы выгоднее совсем не вспоминать об этом происшествии!

– И оставить мать умирать под кнутом?

– А вы думаете, он облегчил этим участь ее и его сестры?

– Ничего я не думаю, ничего не знаю, – отвечал Жоливе. – На его месте я поступил бы несколько не лучше! Какой страшный шрам на лице! Э, да, черт возьми, надо же когда-нибудь и погорячиться! Господь Бог влил бы в нас воду, а не кровь, если бы желал, чтобы мы оставались всегда и везде невозмутимыми!

– А случай хорош для нашей хроники! – сказал Блаунт. – Если бы только Иван Огарев поделился с нами содержанием этого письма?!

Обтерев кровь с лица, Огарев взял письмо и сломал печать. Он долго читал его и перечитывал несколько раз, как будто желал заучить на память его содержание. Затем, отдав при-

казание связать Михаила, он снова принял командование над войсками, собравшимися под Забедьеро, и при оглушительных звуках труб и барабанного боя направился в Томск, где его ожидал эмир.

Глава IV. Триумфальный въезд

Томск, основанный в 1604 году почти в сердце Сибири, считается одним из самых важных городов Азиатской России.

Тобольск, расположенный над шестидесятой параллелью, Иркутск, стоящий за сотым меридианом, видели, как Томск разрастался в ущерб им. А между тем Томск, как мы уже говорили, не есть главный город этой обширной губернии. Генерал-губернатор и весь официальный мир живут в Омске. Томск же считается самым важным городом в промышленном отношении, и действительно, на всем протяжении Алтайских гор, то есть между китайской границей и хакасской землей, нет города богаче Томска. По склонам Алтайских гор, вплоть до долины Томи, находятся богатые руды платины, золота, серебра и золотистого свинца. Богатая страна – богатый и город, стоящий в центре этой плодоносной промышленности. Томск – город миллионеров, разбогатевших с помощью кирки и мотыги. По роскоши своих зданий, обстановке, экипажам – он может смело соперничать с первыми европейскими столицами, и если он и не имеет счастья быть резиденцией представителя государя, то зато там живет главный управляющий сибирского горного округа.

Красив ли город Томск? Надо сознаться, что путешественники в своих мнениях расходятся насчет его красоты. Так, госпожа Бурбулон, остановливавшаяся по дороге из Шанхая в Москву в Томске на несколько дней, в своих заметках представляет нам его мало живописным. По ее словам, это незначительный городок, с ветхими, деревянными домишками, грязными, узкими улицами и массой пьяных мужиков, у которых «самое пьянство выражается как-то апатично, как и все, что делается у северных народов».

Путешественник же Генрих Руссель-Киллуг, напротив, в восторге от Томска. Быть может, все зависело от того, что господин Руссель-Киллуг видел Томск зимою, а госпожа Бурбулон – летом. Это весьма возможно, так как красота некоторых холодных стран может быть оценена только зимою, тогда как красоты жарких стран – только летом. Как бы то ни было, но господин Руссель-Киллуг утверждает, что Томск со своими домами, украшенными галереями и колоннами, с деревянными тротуарами, с широкими, правильными улицами и пятнадцатью великолепными церквями, отражающимися в водах Томи, шире которой нет ни одной реки во Франции, есть не только самый красивый город во всей Сибири, но и один из красивейших во всем мире. Правда кроется, конечно, в середине этих двух, столь противоположных между собой, мнений.

Вот в этом-то Томске эмир и собирался встретить победоносные войска. В честь их предполагалось устроить праздник с пением, танцами и всевозможными представлениями, заканчивающимися какой-нибудь шумной оргией.

Для этой церемонии была выбрана широкая площадь на одном из соседних холмов, на берегу реки Томи. Отсюда открывался чудесный вид. Весь горизонт с длинной перспективой элегантных домов и церквей с блестящими куполами, с многочисленными речными излучинами, с садами, тонувшими в теплом тумане, был окружен чудной темно-зеленой рамкой роскошных сосен и величественных кедров. Налево от площади, по широким уступам холма была воздвигнута сверкающая яркими красками декорация, изображавшая роскошный дворец затейливой архитектуры.

Ровно в четыре часа пополудни затрубили в трубы, забили в тамтам, началась пальба из пушек, и на площадь выехал Феофар-Хан. Под ним был его любимый конь с брильянтовым султаном на голове. Эмир остался в своем походном мундире. По бокам его шли хан кокандский

и хан кундузский, сзади сановники и блестящая свита. В ту же минуту на террасе показалась и главная жена Феофара, царица, если только это название может быть дано султаншам Бухары. Но царица или раба, эта женщина, родом персиянка, была обворожительно хороша собой. Вопреки магометанскому обычаю и, разумеется, по желанию эмира, лицо ее было открыто. Ее волосы, заплетенные в четыре косы, как змеи вились по ослепительной белизны плечам, едва прикрытым шелковым, затканым золотым газом. На ней была сборчатая рубашечка «*Pigahn*» с грациозным вырезом вокруг шеи, перехваченная на талии золотым поясом, шелковая юбочка с широкими голубыми и синими полосами, из-под которой ниспадал «зирджаме» из шелкового газа, и маленькая шапочка, вся разукрашенная драгоценными камнями с прикрепленной сзади шелковой, затканной золотыми блестками вуалью. От головы до ног, обутых в персидские туфельки, на ней было такое изобилие украшений, золотых томанов³, нанизанных на серебряные нити турецких четок из *firouzehs*⁴, добытых в знаменитых рудниках Эльбруса, ожерелий, из сердоликов, агатов, изумрудов, опалов и сапфиров, что ее юбочка и корсаж казались сотканными из драгоценных камней. Что же касается до брильянтов, сверкающих на ее груди, руках, поясе и на туфельках, то, наверное, стоимость их превышала не один миллион.

Эмир, ханы и вся татарская знать, составляющая их кортеж, спешили с лошадой и разместились в великолепной палатке, раскинутой посредине нижней террасы. Перед палаткою, по обыкновению, на священном столе возлежал Коран.

Адъютант Феофара не заставил себя долго ждать, не прошло и пяти минут, как новые трубные звуки возвестили о его приезде. Иван Огарев или Клейменный, как его уже называли теперь, одетый на этот раз в турецкую форму, подъехал верхом к ханской палатке. За ним следовала часть войска из забедьерского лагеря. Солдаты выстроились по обеим сторонам площадки, оставив посредине небольшое пространство, предназначенное для представлений. Широкий кровавый рубец, рассекавший вкось все лицо негодея, так и бросался всем в глаза. Иван Огарев представил эмиру старших офицеров, и Феофар-Хан, не выходя из границ своей неприступности, составлявшей основу его величия, принял их настолько ласково, что они остались вполне довольны его приемом. Так, по крайней мере, передавали впоследствии Гарри Блаунт и Альсид Жоливе, эти два неразлучника, соединившиеся теперь для охоты за новостями. Покинув Забедьеро, они поспешили явиться в Томск. Они твердо решили оставить татар, догнать как можно скорее какой-нибудь русский отряд и, если это возможно, идти вместе с ним в Иркутск.

Все происшедшее на их глазах – это вторжение неприятеля, эти грабежи, эти пожары, эти убийства, – все возмущало их до глубины души, и они всеми силами стремились поскорее попасть в ряды сибирского войска. Тем не менее Альсид Жоливе убедил своего спутника, что он не может покинуть Томск, не описав предварительно этот триумфальный въезд татарских войск – хотя бы только для любопытства своей кузины, – и Гарри Блаунт согласился остаться еще на несколько часов, с тем, однако, чтобы в тот же вечер ехать дальше в Иркутск. Имея хороших лошадей, они надеялись приехать туда раньше эмира. Итак, Альсид Жоливе и Гарри Блаунт вмешались в толпу и смотрели, стараясь не пропустить ни одной подробности этого праздника, долженствовавшего дать им такой богатый материал для их хроники. Они любовались величием Феофар-Хана, красотой его жен, его офицерами, его гвардией и всей этой восточной помпой, о которой европейские празднества не могут дать никакого понятия. Но когда перед эмиром явился Иван Огарев, иностранцы отвернулись от него с презрением и с большим нетерпением стали ждать начала праздника.

---

³ Персидская монета.

⁴ Фируза (*перс.*) – поделочные камни, бирюза.

– Видите ли, дорогой Блаунт, – сказал Альсид Жоливе, – мы пришли слишком рано, как добрые буржуа, не желающие пропустить ни минутки за свои денежки. Все это только начало, так сказать, поднятие только занавеса. Было бы гораздо интереснее явиться прямо на балет.

– Какой балет? – спросил Блаунт.

– Балет самый настоящий, черт возьми! Но мне кажется, занавес уже поднялся.

Жоливе говорил так, как будто на самом деле сидел в театре. Вынув из футляра бинокль, он уже приготовился смотреть с видом человека, близко знакомого с «первыми артистами из труппы Феофара». Но представлению должна была предшествовать еще одна тяжелая церемония. Действительно, торжество победителей было бы неполно без публичного унижения покоренных. Вот почему солдаты кнутами выгнали на площадь несколько сотен своих пленников. Прежде чем быть брошенными в городские тюрьмы, они должны были пройти вереницей мимо Феофар-Хана и его свиты. Среди пленников, в первом ряду, стоял Михаил Строгов. По приказанию Ивана Огарева к нему был приставлен особый конвой. Его мать и Надя были там же. Старая сибирячка, всегда такая энергичная, когда дело касалось только ее одной, на этот раз была очень бледна. Она ждала ужасной сцены и готовилась к ней. Не без причины повели сына ее к эмиру. Она дрожала за него. Иван Огарев не простит публично нанесенного ему оскорбления, и месть его будет жестока. Ее сыну, без сомнения, грозила какая-нибудь зверская казнь, столь обычная у варваров Средней Азии. Если Огарев не допустил солдат убить его при Забедьро, то это потому, что он приберегал его для суда самого эмира.

Со времени этой злосчастной сцены мать и сын не могли перекинуться ни одним словом. Их тотчас же безжалостно разлучили. А Марфе Строговой так хотелось попросить прощения у своего сына! Она обвиняла себя, что не сумела победить своего материнского чувства, и мучилась, что причинила сыну своему невольно такое непоправимое зло. Ведь если бы она сумела сдержать себя в Омске, Михаил был бы неузнан, и тогда скольких несчастий они могли бы избежать? А Михаил, в свою очередь, тоже думал, что если мать его тут, если Иван Огарев опять свел их вместе, то, наверное, и ей, и ему угрожала теперь какая-нибудь страшная смерть. Что же касается Нади, то бедняжка с мучительной тоской спрашивала себя, как и чем помочь матери и сыну. Она смутно чувствовала, что прежде всего надо избегать обращать на себя внимание, что надо ступешаться, сделаться совсем маленькой. Быть может, этим способом ей и удастся разбить оковы, смиряющие льва! Во всяком случае, если бы и представилась какая-нибудь возможность действовать, она стала бы действовать даже тогда, если бы для спасения сына Марфы Строговой приходилось пожертвовать собственной жизнью. Тем временем большая часть пленных уже прошла мимо эмира. Проходя, каждый из них должен был простереться перед ним по земле, лицом в пыль, в знак покорности. Это было уже рабство, начинающееся с унижения! Когда несчастные не слишком поспешно падали перед своим повелителем ниц, суровая рука стражников грубо швыряла их на землю. Альсид Жоливе и Гарри Блаунт, глядя на это отвратительное зрелище, оскорблялись и возмущались в душе.

– Нет, это слишком низко! Едем! – сказал Жоливе.

– Подождите, – отвечал Блаунт. – Надо все видеть!

– Все видеть!.. Ах! – воскликнул француз и схватил за руку соседа.

– Что с вами? – спросил тот.

– Смотрите, Блаунт! Это она!

– Кто она?

– Сестра, помните того, который с нами вместе ехал! Одна и в плену! Надо спасти ее!

– Будьте благоразумны, – холодно отвечал ему Гарри. – Наше заступничество за эту молодую девушку может послужить ей только во вред, а не в пользу.

Альсид Жоливе, готовый было броситься на помощь, остановился, и Надя, почти совсем закрытая своими роскошными, распущенными волосами, в свою очередь, простерлась перед эмиром на земле, не обратив на себя его внимания.

После Нади показалась Марфа Строгова, и так как она не сразу бросилась в пыль, то солдаты грубо толкнули ее. Она упала. Сын, сделав отчаянное усилие, рванулся к ней. Солдаты с трудом удержали его. Но старая Марфа поднялась, и ее уже собирались оттащить в сторону, когда послышался голос Огарева:

– Пускай эта женщина остается здесь!

Надя затерялась в толпе пленных. Взгляд Ивана Огарева проскользнул мимо нее. Тогда к эмиру подвели Михаила Строгова. Он стоял не опуская глаз.

– Падай ниц! – крикнул ему Иван Огарев.

– Нет, – отвечал Строгов.

Двое солдат силой хотели заставить его согнуться, но вместо того, отброшенные сильной рукой молодого человека, сами упали на землю. Огарев подошел к Михаилу.

– Ты умрешь! – сказал он.

– Я умру, – гордо отвечал Строгов, – но смерть моя не сотрет позорного клейма с твоей рожи, негодяй!

Огарев побледнел как полотно.

– Кто этот пленник? – спросил эмир голосом, в котором слышалось тем более угрозы, чем спокойнее звучал он.

– Русский шпион, – отвечал Иван Огарев.

Выдавая его за шпиона, он знал, что приговор эмира над ним будет ужасен.

Строгов невольно подался в сторону своего обвинителя, но солдаты удержали его.

Тогда по знаку эмира вся толпа пала ниц. Он указал рукою на Коран. Ему подали его. Он раскрыл священную книгу и, не глядя на текст, наугад ткнул пальцем в одну из страниц.

По понятиям этих восточных народов, Сам Бог должен был решить судьбу русского шпиона. В Средней Азии этот способ угадывания судьбы называется «fal». По смыслу стиха, на который падает палец судьбы, истолкователи составляют приговор преступнику. Эмир продолжал указывать пальцем на избранное место. Главный улэма подошел к нему и во всеуслышание прочел стих, оканчивающийся словами: «И он перестал видеть на земле».

– Русский шпион! – сказал Феофар-Хан. – Ты пришел к нам, чтобы подсматривать, что делается в моем лагере! Так гляди же, гляди во все твои глаза!

Глава V. Гляди во все твои глаза, гляди!

Иван Огарев, знакомый уже с татарскими нравами, понял смысл этих слов, и жестокая улыбка на минуту искривила его лицо. Он подошел к Феофару. В эту минуту заиграли в трубы. То был знак начала представлений.

– Вот и балет, – сказал Жоливе, – но, вопреки общепринятому обычаю, эти варвары ставят балет перед драмой!

Михаилу Строгову было приказано смотреть! Он стал смотреть.

Заиграла музыка, и на середину площадки выбежала толпа танцовщиц. Различные татарские инструменты: дутара, похожая на мандолину, с длинным грифом из тутового дерева, с двумя струнами из крученого шелка, настроенными в кварту, кобиз, нечто вроде виолончели, с отверстием в наружной стороне, с натянутыми вместо струн конскими волосами, приводимыми в созвучие смычком, чибизга, длинная флейта из ивы, трубы, бубны, тамтам, – все это вместе, сливаясь с гортанным пением певцов, производило странную, своеобразную музыку. Следует прибавить к этому звуки воздушного оркестра, состоящего из дюжины бумажных змеев, привязанных к середине длинными бечевками и звучащих под дуновением легкого ветерка, как эоловы арфы.

Танцы начались. Танцовщицы были все персиянки. Они принадлежали к свободному сословию и танцевали за плату. Прежде они всегда фигурировали на официальных праздни-

ствах при дворе Тегерана, но со времени одного события, происшедшего при троне царствующей фамилии, они были изгнаны из царства и принуждены искать счастья в другой стране. Персиянки были в своих национальных костюмах; драгоценности украшали их в изобилии. Маленькие золотые треугольники и длинные серьги болтались в их ушах, серебряные, с чернью обручи обвивали их шеи, браслеты из двойного ряда драгоценных камней сверкали тысячами огней на руках и на ногах. Золотые подвески, богато перемешанные жемчугом, сердоликами и бирюзой, трепетали на концах их длинных кос. Пояс на талии замыкался брильянтовой звездой. Танцовщицы исполняли очень грациозно различные танцы – то каждая порознь, то все вместе. Лица их были открыты, но время от времени, танцуя, они грациозным движением набрасывали на себя легкие шарфы, и тогда казалось, как будто облако газа спускалось на все эти сверкающие глазки, как спускается иногда туман на звездное небо. У некоторых из персиянок вместо шарфов были кожаные перевязи, расшитые жемчугом, с висящим сбоку треугольным карманом. Из этих карманов, сотканных из золотых ниток, они вытягивали длинные и узкие ленты из яркого шелка с вышитыми на них стихами Корана. Из этих лент, которые они держали между собой, составлялся целый круг, и под этим кругом, не прерывая темпа, как легкие тени, скользили молодые красавицы и, проходя мимо каждого стиха, то простирались до земли, то, делая воздушный прыжок, как бы улетали, желая соединиться с небесными гуриями Магомета. Но что было замечательно и что поразило Альсида Жоливе, это то, что танцы персиянок были какие-то ленивые, тихие, медленные. Им не хватало огня, и по характеру своих танцев, и по способу их выполнения они более напоминали скромных, тихих баядерок Индии, чем страстных танцовщиц Египта.

Когда это первое представление окончилось, послышался важный голос, говоривший:

– Гляди во все твои глаза, гляди!

Человек, повторявший слова эмира, татарин высокого роста, был исполнителем высшей власти, воли Феофар-Хана. Он стоял сзади Михаила Строгова и держал в руке саблю с широким, кривым лезвием из знаменитой дамасской стали.

В это время двое из стражников принесли низкий треножник с жаровней, наполненной пылающими угольями, и поставили рядом с ним. Над жаровней вился легкий пар, а от горевших в ней ладана, смирны и бензоя распространялся смолистый и ароматичный запах.

Между тем на место персиянок явилась новая группа танцовщиц.

– Цыгане из Нижнего Новгорода! – воскликнул Гарри Блаунт, указывая на них своему соседу.

– Они самые! – подтвердил Альсид Жоливе. – Я уверен, что глаза этих шпионок доставят им больше денег, чем их ноги!

И, говоря так, Альсид Жоливе был вполне прав.

Впереди всех, в своем великолепном костюме, живописном и оригинальном, еще более возвышающем ее красоту, виднелась Сангарра. Она не танцевала. Приняв грациозную позу, она стояла посреди своих подруг и, держа в руке трепещущий бубен, руководила танцами. Цыганки плясали под бряцанье цимбалов и гудение даира, и пляска их представляла собою странную смесь цыганского с египетским, испанского с итальянским, в ней отражался характер всех тех стран, где когда-либо кочевало это дикое племя. Вдруг вышел вперед цыган, на вид не старше пятнадцати лет. В руках у него была дутара; он заиграл на ней и запел. При первых звуках его песни, странной, грустной, но вместе с тем чудной, к нему приблизилась одна из танцовщиц и, как бы очарованная, заслушавшись его пения, замерла на месте рядом с ним. Но вот юноша начал свой припев, и она снова принялась танцевать и бить в свой бубен. Так повторялось при каждом куплете, и наконец после последнего припева цыганки увлекли в свои танцы и юношу.

Тогда из рук эмира, его свиты и всех сидящих там офицеров, посыпался на танцующих целый золотой дождь, и к звону монет, падающих на цимбалы цыганских красавиц, еще долго примешивались последние замирающие звуки дутар и тамбуринов.

– Расточительны, как и подобает настоящим грабителям! – шепнул на ухо своему товарищу Альсид Жоливе.

Действительно, это льющееся рекою золото было большею частью награблено, потому что вместе с татарскими томанами и секинами плыли московские червонцы и рубли.

Затем на минуту опять все смолкло, и палач, положив руку на плечо Михаилу Строгову, снова повторил слова, становившиеся после каждого повторения все зловещее и зловещее:

«Гляди во все твои глаза, гляди!»

На этот раз Жоливе заметил, что в руке палача не было обнаженной сабли. Между тем солнце уже начало садиться. Наступили сумерки. Рощи кедров и елей мало-помалу превращались в неясную темную массу, а над сверкающей водной гладью Томи поднялся туман. На площади становилось совсем темно, но в это время появились солдаты с факелами в руках; их было несколько сот человек. Цыганки и персиянки во главе с Сангаррою снова показались перед тронем эмира, и прерванные танцы возобновились.

Но как ни много пришлось видеть на своем веку парижскому журналисту всяких блестящих и эффектных превращений на современной французской сцене, все же он не мог удержаться, чтобы не воскликнуть:

– Не дурно! Право, не дурно!

Затем вдруг как бы по волшебству все огни потухли, музыка смолкла, танцовщицы исчезли. Праздник кончился, и площадь, за минуту перед тем залитая огнями, освещалась теперь только несколькими факелами.

По знаку эмира к нему подвели Михаила Строгова.

– Блаунт, – сказал Жоливе, – разве вы хотите видеть все до конца?

– Нисколько, – отвечал тот.

– Ваши читатели, надеюсь, не пожалеют, если вы не опишете им подробности этой пытки?

– Вероятно, не больше, чем ваша кухня.

– Бедняга, – прибавил Жоливе, взглянув на Строгова. – Такой храбрый солдат заслуживал бы умереть на поле брани!

– Не можем ли мы как-нибудь спасти его?

– Никоим образом.

Журналисты вспомнили при этом, как великодушно поступил с ними Михаил Строгов. Они знали теперь, через какие испытания должен был пройти этот человек, и с горечью в сердце сознавали, что заступиться за него перед этими дикарями, не знающими жалости, они не могли.

Не желая оставаться безучастными свидетелями этой пытки, они вернулись в город и час спустя уже бегали по улицам Томска и рассуждали о том, как им присоединиться к русскому отряду.

Между тем Михаил Строгов продолжал стоять перед эмиром. На него он глядел гордо, на Ивана Огарева – презрительно. Смерть была близка, но на лице его не выражалось ни малейшего страха. Кругом стояла толпа любопытных, с нетерпением ожидавшая начала этого интересного для себя зрелища. Коль скоро любопытство их будет удовлетворено, вся эта дикая орда не замедлит погрузиться в пьянство.

Эмир подал знак.

Михаил Строгов, толкаемый солдатами, приблизился к нему еще ближе.

– Русский шпион, – начал эмир по-татарски, – ты пришел, чтобы за нами подсматривать. Так знай же, ты видишь теперь в последний раз, через минуту свет навсегда померкнет для твоих глаз!

Итак, его осудили не на смерть, а на ослепление. Потеря зрения, пожалуй, еще ужаснее потери жизни! Несчастный был осужден сделаться слепым. Но Михаил Строгов, услышав свой приговор, не смутился. Просить, умолять о помиловании этих лютых зверей было бы бесполезно и даже недостойно его. Он и не думал об этом. Он думал только о своей неудаче, о матери, о Наде, о том, что он их никогда уже больше не увидит! Но он старался скрыть в себе и это волнение. Чувство мести всецело охватило его. Он повернулся к Ивану Огареву.

– Иван, – произнес он угрожающим голосом, – Иван-изменник, мой последний взгляд, взгляд презрения будет направлен на тебя!

Огарев пожал плечами.

Но Михаил Строгов ошибся. Не на Ивана Огарева был устремлен его последний взор. Перед ним появилась Марфа Строгова.

– Моя мать! – воскликнул он. – Да-да! Тебе мой последний взгляд, а не тому негодяю! Стой так передо мной, чтобы я мог еще раз видеть твое дорогое, любимое лицо! Пусть глаза мои закроются, глядя на тебя!

Старуха молча приблизилась.

– Уберите прочь эту женщину! – крикнул Иван Огарев.

Двое солдат оттолкнули Марфу. Она отодвинулась немного и осталась стоять в нескольких шагах от своего сына.

Появился палач. На этот раз он опять держал в своей руке обнаженную саблю. Эту саблю, раскаленную добела, он только что вытащил из жаровни, где горели душистые уголья.

Михаил Строгов должен был быть ослеплен, по-татарскому обычаю, раскаленным железом. Михаил не сопротивлялся. Теперь для него, кроме его матери, ничего не существовало. Вся жизнь его заключалась в этом последнем взгляде!

Марфа с неестественно расширенными глазами, протянув к нему руки, смотрела на него. Раскаленное лезвие блеснуло перед глазами Михаила Строгова. Раздался крик, полный отчаяния. Старая Марфа без чувств упала на землю. Михаил Строгов был слеп.

Сделав нужные распоряжения, эмир и двор его удалились. На площади еще оставались Иван Огарев и факельщики. Неужели презренный негодяй хотел еще оскорбить свою жертву, неужели после палача он собирался нанести ему новый удар?

Иван Огарев медленно подошел к Михаилу. Тот почувствовал его приближение и обернулся. Огарев вынул из кармана царское письмо, развернул его и с гадкой улыбкой поднес его к самым глазам ослепшего царского курьера.

– Прочти-ка теперь, Михаил Строгов, прочти-ка и передай в Иркутск то, что прочел! Настоящий царский посол теперь не ты – а Иван Огарев!

Сказав это, изменник спрятал письмо у себя на груди и, не оборачиваясь, пошел вон с площади. За ним последовали и факельщики. Михаил Строгов остался один; в нескольких шагах от него без чувств, а быть может уж и без жизни, лежала его мать.

Вдали слышались крики, пение, шум ночной оргии.

Вдруг появилась Надя. Она подошла прямо к Михаилу и, молча, стала разрезать мечом веревки, которыми были связаны его руки.

Слепой не знал, кто был его освободитель.

– Брат, – позвала она его.

– Надя! – прошептал Михаил. – Надя!

– Идем, брат, – сказала она. – Мои глаза заменят тебе твое зрение. Я проведу тебя в Иркутск!

Глава VI. Друг на большой дороге

Через полчаса Надя и Михаил Строгов вышли из Томска.

В эту ночь, благодаря тому что татары, вследствие ночной оргии, бессознательно ослабили свой строгий надзор над пленными, многим из них удалось бежать.

Когда Надю перед началом представлений увели вместе со всеми с площади, она незаметно отделилась от отряда и вернулась назад как раз в ту минуту, когда солдаты подвели к эмиру Михаила Строгова. Там, смешавшись с толпой, она все видела. Ни единый крик не вырвался из ее груди, когда перед глазами ее спутника блеснуло раскаленное добела лезвие сабли. У нее хватило мужества остаться неподвижной и немой при этой сцене. Откровение свыше внушило ей охранять свою свободу, чтобы потом смочь довести сына Марфы Строговой до конца того дела, что он клялся исполнить. Только тогда, когда старая сибирячка упала без чувств на землю, только тогда, и то на одну минуту, ее сердце перестало биться. Одна мысль вернула ей всю энергию.

«Я буду собакой слепому!» После отъезда Ивана Огарева Надя спряталась в тень. Она ждала, чтобы народ разошелся с площади. Михаил Строгов, брошенный всеми, как какой-нибудь негодяй, которого бояться уж больше нечего, был один. Она видела, как он ощупью подполз к матери, наклонился над ней, поцеловал ее в голову, потом поднялся и ощупью же собрался бежать... Несколько минут спустя он и она рука с рукою сошли с утесистого холма и, идя все по берегу Томи, вышли наконец за город и благополучно добрались до большой дороги. Дорога в Иркутск была одна и шла все прямо на восток. Сбиться с пути не было никакой возможности. Надя шла быстро, ведя за собой слепого Михаила. Она боялась, чтобы на следующий день, проспавшись после шумной оргии, татарские разведчики не бросились бы снова в степь и не отрезали бы им всякое сообщение с русскими. Надо было спешить, чтобы прийти непременно раньше их в Красноярск, отстоявший от Томска на пятьсот верст (533 километра). Свернуть с большой дороги и идти лесом она не решалась. Это был риск, неизвестность, короче, сама смерть. Как могла Надя перенести усталость всей этой ночи с 16 на 17 августа? Как нашла она в себе столько физической силы, чтобы совершить этот длинный утомительный переход военнопленных? Как могли ее нежные ножки, истекавшие кровью от непосильной ходьбы, поддерживать ее до сих пор? Это было почти непостижимо. Но как бы то ни было, а на другой день, утром, двенадцать часов спустя после выхода из Томска Михаил Строгов и молодая девушка, пройдя более пятидесяти верст, пришли в село Семиловское. Михаил Строгов не произнес еще ни одного слова. Но Надя держала его за руку в эту ночь, а он держал в своей руке ручку своей спутницы, и, благодаря этой ручке, руководившей его толькожатием, он шел своей обычной, твердой походкой. Семиловское оказалось совершенно пустым. Обитатели его, испугавшись татар, бежали в Енисейскую область и забрали с собой все, что было ценного и мало-мальски годного к употреблению и что могло быть увезено на телегах. Между тем Надя чувствовала необходимость остановиться там, хоть на несколько часов. Им обоим нужны были и пища и отдых. Молодая девушка повела своего спутника на край села, где стоял небольшой пустой домик. Дверь была открыта. Они вошли. Посредине комнаты, около высокой русской печи, стояла старая, негодная скамейка. Они сели на нее. Надя пристально, в первый раз посмотрела на своего спутника. Если бы Михаил Строгов мог видеть ее, он прочел бы в ее прекрасных, печальных глазах и преданность, и любовь, бесконечную нежность к себе. Обожженные, покрасневшие веки слепого были полузакрыты, глаза сухи, белок слегка покороблен, зрачок неестественно расширен, раек казался более темным, чем раньше; ресницы и брови были частью спалены, но, в общем, по крайней мере с виду, взгляд молодого человека, серьезный и пронизательный, совсем не изменился. Если он ничего больше не видел, если его слепота была полная, так это потому, что чувствительность сетчатой оболочки и зрительного нерва была совершенно уничтожена палящим жаром раскаленной стали.

В эту минуту Михаил Строгов протянул руки вперед.

– Ты здесь, Надя? – спросил он.

– Да, – отвечала молодая девушка, – я здесь, около тебя и больше никогда не покину тебя, Михаил.

При этом имени, произнесенном Надей в первый раз, Михаил Строгов вздрогнул. Он понял, что она знала все: кто был он и какие узы соединяли его со старой Марфой.

– Надя, – сказал он, – нам придется разлучиться!

– Разлучиться? Но почему, Михаил?

– Я не хочу быть тебе помехой на дороге. Отец твой ждет тебя в Иркутске! Надо, чтобы ты скорей спешила к отцу!

– Отец проклял бы меня, Михаил, если бы я покинула тебя после того, что ты для меня сделал!

– Надя! Надя! – отвечал Строгов, крепко сжимая ручку молодой девушки. – Ты должна думать только о своем отце!

– Михаил, – перебила его Надя, – тебе более нужна моя помощь, чем отцу! Разве ты отказываешься от своего намерения идти в Иркутск?

– Никогда! – энергично отвечал молодой человек.

– Но у тебя нет больше этого письма?..

– Этого письма, что украл Иван Огарев?.. Ну так что же? Я сумею обойтись и без него! Они обращались со мной как со шпионом! Я и буду действовать как шпион! Я пойду в Иркутск и расскажу обо всем, что видел, что слышал, и клянусь Богом, живым, в один прекрасный день негодяй встретится со мной! Но надо, чтоб я пришел раньше него в Иркутск!

– И ты хочешь, чтоб мы расстались, Михаил?

– Надя, негодяи отняли у меня все!

– У меня осталось еще несколько рублей и мои глаза целы! Я могу видеть за тебя, Михаил, я поведу тебя туда, куда одному тебе не дойти!

– А как же мы пойдем?

– Пешком.

– А на что же мы будем существовать?

– Станем милостыню просить.

– Так пойдем, Надя!

– Пойдем, Михаил.

Молодые люди уже перестали называть себя братом и сестрой. Общее горе, общая участь соединяли их еще теснее.

Отдохнув с час времени, они вышли из дома. Надя успела перед этим обойти все дома и собрать несколько ломтей черного хлеба и немного меду. Все это не стоило ей ни одной копейки; она начала уже свой промысел нищей. Худо ли, хорошо ли, но этот мед и хлеб утолил голод и жажду Михаила Строгова. Надя отдала ему большую часть этой скудной пищи. Она подавала ему кусок за куском и сама поила его медом из тыквенной бутылки.

– Надя, а ты сама ешь? – спрашивал он ее несколько раз.

– Да, Михаил, – отвечала всякий раз молодая девушка, доедая оставшиеся после него куски хлеба.

Выйдя из Семиловского, они снова направились по дороге в Иркутск. Надя энергично боролась с усталостью. Если бы Михаил ее видел, то, наверное, у него не хватило бы духу идти с нею дальше. Но Надя не жаловалась, и Михаил продолжал идти вперед с прежней поспешностью. Но почему же? Неужели он надеялся опередить татар? Он шел пешком, без гроша денег в кармане, был слеп, и, если бы Надя, его единственная руководительница, покинула бы его, ему оставалось бы только лечь на берегу реки и умереть как собаке! Но если только им удастся добраться благополучно до Красноярска, то можно считать, что еще не все потеряно. Стоит только представиться губернатору, и он поможет им, даст возможность доехать до Иркутска.

Весь погруженный в свои мысли, Михаил Строгов шел молча вперед. Он держал Надю за руку. Им обоим казалось, что они находятся между собой в непрерывном общении, что они, и не делясь мыслями вслух, понимают друг друга. Время от времени, однако, Михаил обращался к Наде:

– Надя, скажи же мне что-нибудь!

– К чему, Михаил? Ты ведь и так знаешь, о чем я думаю, – отвечала молодая девушка, стараясь говорить твердым голосом, чтобы не обнаружить своей усталости.

Но иногда силы оставляли ее, сердце переставало биться, ноги подкашивались, она замедляла шаг и наконец совсем останавливалась. Тогда Михаил Строгов тоже останавливался, оборачивался в ее сторону, смотрел на нее, как бы желая увидеть свою молоденькую спутницу сквозь эту тьму, заволакивающую его несчастные глаза, грудь его тяжело вздымалась, и он, еще крепче поддерживая Надю, спешил снова вперед. Между тем среди всех этих непрерывных несчастий в этот день с ними должно было произойти и одно счастливое обстоятельство.

Часа через два после их выхода из Семиловского Михаил вдруг остановился.

– На дороге никого нет? – спросил он.

– Решительно никого, – отвечала Надя.

– Разве ты не слышишь стук позади нас?

– В самом деле, слышу.

– Если это татары, нам придется спрятаться. Посмотри хорошенько.

– Подожди, Михаил, сейчас, – отвечала Надя.

Она вернулась назад по дороге, делавшей в этом месте крутой поворот направо. Михаил Строгов остался один, он прислушивался.

– Это просто телега, – сказала Надя, вернувшись, – едет какой-то молодой парень?

– Один?

– Один.

Михаил с минуту колебался, что делать. Спрятаться или попытать счастья и попросить проезжего незнакомца посадить к себе на телегу, уж если не обоих, то хоть ее одну? Для него лично достаточно было бы только держаться рукою за край телеги; в случае надобности он мог бы даже подталкивать ее и помогать лошади везти. Силы еще не оставили его, но Надя? Он чувствовал, что бедная девушка совсем выбилась из сил. Он решил подождать. На повороте показалась телега, запряженная одной лошадкой, некрасивой, но доброй и сильной на вид, как и все лошади монгольской породы. Около телеги шел молодой парень и правил, за телегой бежала собака. Надя сейчас же узнала в нем русского. Лицо у него было доброе, но флегматичное, с первого раза внушающее доверие.

Возница, добродушно улыбаясь, поглядел на молодую девушку.

– И куда это вы идете? – спросил он, уставив на нее свои круглые, добрые глаза.

Этот голос показался Михаилу знакомым. Он положительно где-то слышал его. Да, конечно, по одному этому голосу он узнал возницу, и лицо его прояснилось.

– Ну так куда же вы идете? – повторил тот свой вопрос, обращаясь на этот раз прямо к Михаилу.

– Мы идем в Иркутск, – отвечал тот.

– Ого! Видно, ты, батюшка, не знаешь, сколько верст-то до Иркутска?

– Знаю.

– И идешь пешком?

– Пешком.

– Ну ты еще ничего, а барышня-то как же?

– Это моя сестра, – поспешил назвать ее этим именем Михаил.

– Да, сестра твоя, батюшка! Но поверь мне, ведь ей ни за что не дойти до Иркутска!

– Послушай, друг, – отвечал Михаил Строгов, подходя к нему. – Татары нас ограбили, что называется, дочиста, у меня нет ни копейки, чтобы тебе заплатить. Но если бы ты был так добр, посадил бы к себе мою сестру! Я пошел бы пешком, даже, если нужно, побежал бы! Я не задержал бы тебя ни на час...

– Брат! – воскликнула Надя. – Я не хочу... я не хочу! Послушайте, мой брат слепой!

– Слепой? – переспросил молодой парень, сочувственно поглядывая на Михаила.

– Татары выжгли ему глаза! – отвечала Надя.

– Выжгли глаза? Ах бедняга! Я еду в Красноярск. Садись и ты вместе с сестрой в мою бричку. Ничего, малость потеснимся, да зато все втроем усядемся. Собака пусть бежит. Только предупреждаю, я еду тихо, боюсь замучить лошадь.

– Как тебя зовут? – спросил Михаил.

– Меня-то? Николаем Пигасовым. А что?

– Я никогда не забуду твоего имени, – отвечал Михаил.

Кибитка тронулась. Лошадь, совсем не понукаемая Николаем, бежала иноходью. Если Михаил Строгов ничего не выигрывал во времени, то зато Надя могла хоть немного отдохнуть. И действительно, усталость молодой девушки была так велика, что, убаюканная равномерной тряской телеги, она заснула как убитая.

Михаил с Николаем уложили ее как только могли покойнее и удобнее. Добрый парень совсем расчувствовался.

– Какая она красавица, – сказал он.

– Да, – отвечал Михаил Строгов.

– Ну, батюшка, ведь это того, уже очень храбро! А если так посмотреть на них, какие эти малютки хрупкие да слабые! А вы издалека идете?

– О да, издалека.

– Бедные! Небось тебе было больно, когда глаза-то жгли?

– Конечно, больно, очень больно, – отвечал Михаил.

– Ты не плакал?

– Плакал.

– Я бы тоже заплакал. Подумать только, что никогда не увидишь тех, кого любишь. Но зато они вас видят. Это, пожалуй, тоже утешение.

– Да, может быть! Скажи мне, приятель, – спросил его Михаил Строгов, – тебе никогда не приходилось встречаться со мной где-нибудь?

– С тобой, батюшка? Нет, никогда.

– Видишь ли, я спрашиваю оттого, что твой голос мне кажется знакомым?

– Посмотрите-ка! – воскликнул смеясь Николай. – Он знает мой голос! Быть может, ты спрашиваешь это нарочно, чтобы только узнать, откуда я еду? Что же, я скажу тебе. Я еду из Кольвани.

– Из Кольвани? – в свою очередь, воскликнул Михаил. – Ну, значит, я там тебя и видел. Ты был на телеграфной станции?

– Очень возможно, – отвечал Николай. – Я там жил и служил чиновником.

– И ты оставался на своем посту до последней минуты?

– Гм! В эту-то минуту мне и надо было там быть.

– Это было в тот день, когда двое иностранцев, англичанин и француз, поспорили с деньгами в руках, желая один опередить другого у аппарата, и англичанин телеграфировал первые стихи из Библии.

– Может быть, батюшка, все может быть, только я этого что-то не помню.

– Как ты этого не помнишь?

– Я никогда не вникаю в смысл телеграмм, которые мне приходится отправлять. Мой долг – забывать их как можно скорее.

Этот ответ вполне обрисовывал, что за человек был Николай Пигасов.

Кибитка между тем понемножку подвигалась вперед. Михаилу Строгову желательно было бы ехать поскорее, но Николай и его лошадь, как видно, не привыкли торопиться. Лошадь три часа бежала, затем час отдыхала, и так продолжалось день и ночь. Во время остановок лошадь паслась, путешественники закусывали в обществе Серко. Телега была снабжена провизией, по крайней мере, человек на двадцать, и Николай радушно угощал ею своих новых знакомых. После целого дня отдыха силы понемногу стали возвращаться к Наде. Николай все время следил за тем, чтобы ей было удобно и покойно.

22 августа кибитка подъехала к селу Ачинску, находившемуся от Томска в ста восьмидесяти верстах. До Красноярска оставалось еще сто двадцать верст. За шесть дней, что они были вместе, Николай, Михаил Строгов и Надя нисколько не переменились. Один был по-прежнему невозмутимо спокоен, двое других, напротив, постоянно тревожились, думая о том, что вот скоро настанет та минута, когда возница покинет их. Михаил Строгов видел все глазами Николая и молодой девушки. Оба по очереди описывали ему подробно и местность, и все, что встречалось им на пути. Он знал, когда они проезжали через лес, когда через равнину, когда в степи виднелась избушка или на горизонте показывался какой-нибудь сибиряк.

В разговорах своих Николай был неутомим – он любил рассказывать, и его приятно было слушать. Однажды Михаил Строгов осведомился у него, какова погода.

– Ничего, хорошая, батюшка, – отвечал тот. – Ведь теперь стоят последние красные деньки. В Сибири осень очень коротка. Не заметим, как наступят и первые морозы. Пожалуй, как начнутся дожди да ненастья, татары засядут себе на зимние квартиры да дальше никуда и не двинутся.

Михаил Строгов с сомнительным видом покачал головой.

– Ты не веришь? – спросил Николай. – Ты думаешь, что они пойдут на Иркутск?

– Я боюсь, что это так будет, – отвечал Михаил.

– Да, пожалуй, ты и прав... У них есть один такой нехороший человек, он не даст им заябнуть по дороге. Ты слышал про Ивана Огарева?

– Слышал.

– А знаешь, ведь это прямо подло, предавать свое отечество!

– Да... подло... – отвечал Михаил, стараясь не выдать своего волнения.

– Знаешь, батюшка, – заговорил Николай, – я нахожу, что этот негодяй мало возмущает тебя. По-моему, сердце каждого русского, в чьем присутствии произносится имя Ивана Огарева, должно разрываться на части от негодования!

– Верь мне, – отвечал Михаил, – я ненавижу его так, как ты никогда не смог бы его ненавидеть.

– Это невозможно, – сказал Николай. – Нет, это невозможно! Когда я думаю об Иване Огареве, о том зле, которое он сделал нашей святой Руси, я прихожу в такую ярость, что если бы он попался мне в руки...

– Если бы он попался тебе в руки?..

– Я думаю, что я убил бы его!

– А я так не думаю, а уверен в этом, – спокойно отвечал Михаил Строгов.

Глава VII. Переправа через Енисей

25 августа, под вечер, кибитка подъехала к Красноярску.

С тех пор, как они выехали из Томска, прошло восемь дней.

К счастью, о татарах ничего еще не было слышно, ни один разведчик еще не попадался им на пути. Это должно было показаться довольно странным, очевидно, какая-нибудь серьезная причина задержала эмира в Томске и помешала ему идти на Иркутск.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.